

По делу «Корбей против Венгрии»

Европейский Суд по правам человека¹, рассматривая дело Большой Палатой в составе:

Жан-Поля Коста, *Председателя Европейского Суда*,
Христоса Розакиса,
Николаса Братца,
Пера Лоренсена,
Франсуазы Тюлькенс,
Лукиса Лукаидеса,
Иренеу Кабрал Барreto,
Карела Юнгвирта,
Владимира Буткевича,
Андраша Бака,
Влаими́ро Загребельского,
Антонеллы Муларони,
Елизабет Фура-Сандстрём,
Ренате Йегер,
Сверре Эрика Йебенса,
Драголюба Поповича,
Марка Филлигера, *судей*,
а также при участии
Майкла О'Бойла, *заместителя Секретаря-Канцлера Европейского Суда*,

проведя 4 июля 2007 г. и 19 июня 2008 г. совещания по делу за закрытыми дверями, вынес 19 июня 2008 г. следующее постановление:

ПРОЦЕДУРА В ЕВРОПЕЙСКОМ СУДЕ

1. Дело было возбуждено по жалобе (№ 9174/02) против Венгерской Республики, поданной в Европейский Суд согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод² гражданином Венгрии, г-ном Яношем Корбеем (*далее* — заявитель), 20 января 2002 г.

2. Заявитель утверждает, что он был осужден в уголовном порядке за совершение деяния, которое в момент его совершения не образовывало состав преступления. Кроме того, заявитель жалуется, скорее в общих чертах, на то, что производство по уголовному делу в отношении него было несправедливым и продолжалось чересчур долго. При этом заявитель опирается на статью 6 и на статью 7 Конвенции.

3. Жалоба была передана в производство Второй Секции Европейского Суда (в порядке пункта 1 правила 52 Регламента Суда). 3 мая 2007 г. Палата этой Секции Суда в составе следующих судей: Франсуазы Тюлькенс, Андраша Бака, Иренеу Кабрал Барreto, Ризы Тюрмэн, Антонеллы Муларони, Данутэ Йочиенэ, Драголюба Поповича, а также при участии Франсуазы Элен-Пассос, заместите-

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

БОЛЬШАЯ ПАЛАТА

ДЕЛО «КОРБЕЙ ПРОТИВ ВЕНГРИИ»

[KORBELY V. HUNGARY]

(жалоба № 9174/02)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. Страсбург

19 сентября 2008 г.

Настоящее постановление является окончательным, но в его текст могут быть внесены редакционные изменения.

ля Секретаря Секции Суда, — уступила юрисдикцию в пользу Большой Палаты, при том что ни одна из сторон не возражала против этого (статья 30 Конвенции и правило 72 Регламента Суда).

4. Состав Большой Палаты был определен в соответствии с положениями пунктов 2 и 3 статьи 27 Конвенции и правила 24 Регламента Европейского Суда.

5. Как заявитель, так и государство-ответчик представили свои письменные замечания по делу.

6. Заседание по делу состоялось во Дворце прав человека, г. Страсбург, 4 июля 2007 г. (пункт 3 правила 59 Регламента Европейского Суда).

В заседании Европейского суда приняли участие:

(а) со стороны государства-ответчика:

г-н Л. Хельтзл, *Представитель Венгерской Республики при Европейском Суде по правам человека*,

г-жа М. Веллер, *заместитель Представителя Венгерской Республики при Европейском Суде по правам человека*,

г-н З. Таллоди, *заместитель Представителя Венгерской Республики при Европейском Суде по правам человека*;

(б) со стороны заявителя:

г-н А. Чек, *адвокат*,

г-н Л.С. Молнар, *адвокат*;

Европейский Суд заслушал выступления г-на А. Чека и г-на Л. Хельтзла.

7. В тот же день Большая Палата Европейского Суда решила — в порядке применения пункта 3 статьи 29 Конвенции — совместить обсуждение вопроса о приемлемости жалобы для ее рассмотрения по существу с рассмотрением дела по существу.

ФАКТЫ

1. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

8. Заявитель, 1929 года рождения, проживает в г. Кишороси (Венгрия). Он офицер, вышедший в отставку.

От редакции. В 1956 году заявитель участвовал в подавлении восстания в Будапеште. Один из повстанцев, когда ему приказали сдать оружие, выхватил из кармана пистолет. Отряд под командованием заявителя открыл стрельбу, в результате чего погибло несколько человек. В 1994 году заявителю в связи с этим было предъявлено уголовное обвинение. Суд прекратил производство по делу, сочтя, что заявитель совершил убийство, в отношении которого истек срок давности. Однако впоследствии по этому эпизоду заявитель был осужден в уголовном порядке за преступление против человечности по пункту 1 статьи 3 Женевских конвенций 1949 года. Европейский Суд пришел к выводу, что повстанец, спровоцировавший стрельбу, не относился к некомбатантам и не попадал под защиту статьи 3 Женевских конвенций. Соответственно, не было показано, что осуждение заявителя за преступление против человечности отвечало требованию предсказуемости. Поэтому Суд 11 голосами «за» и 6 голосами «против» установил нарушение статьи 7 Конвенции. Заявитель не выдвигал требований о возмещении причиненного ему ущерба, поэтому Суд не присудил ему никакой суммы в этом отношении.

¹ Далее — Европейский Суд или Суд (*примечание редакции*).

² Далее — Конвенция (*примечание редакции*).

А. События, произошедшие в г. Тата 26 октября 1956 г.

9. Когда 23 октября 1956 г. в г. Будапеште началась Венгерская революция¹, заявитель, находясь в то время в звании капитана [százados], был начальником курса [tanfolyam-parancsnok] в Татском военном училище для младших офицеров. После того, как 23 октября 1956 г. в столице Венгрии произошли демонстрации, перестрелки и мятежи, 24 октября 1956 г. в стране было введено военное положение, предусматривающее, в частности, что ношение оружия любым лицом без разрешения карается смертью. Заявитель знал об этих мерах, так как о них было объявлено в эфире венгерского государственного радио.

10. На рассвете 26 октября 1956 г. повстанцы предприняли неудачную попытку нападения на военное училище, в котором служил заявитель. Во время перестрелки один офицер был убит и один ранен. Некоторое время спустя повстанцы захватили здания местной тюрьмы и прокуратуры. Заявитель получил приказ восстановить над этими зданиями контроль, и ему удалось, не прибегая к силе, убедить повстанцев покинуть захваченные ими здания.

11. Впоследствии в рамках аналогичного задания заявитель получил приказ разоружить повстанцев, которые во второй половине дня 26 октября 1956 г. силой захватили здание местного полицейского управления. Преодолев сопротивление полицейских, повстанцы, в том числе некий Тамаш Касаш, забрали себе отобранные у полицейских пистолеты. Командование повстанцами осуществляли Тамаш Касаш и еще один человек. Они намеревались казнить начальника полицейского управления, но в итоге не стали этого делать. Тамаш Касаш и меньшая группа повстанцев стояли за зданием, прикрывая позиции; Тамаш Касаш неофициально взял на себя функции командира отряда.

12. Как и в прошлый раз, в полученном заявителем приказе особо отмечалось, что он должен сформировать отряд офицеров, перебросить его к зданию полицейского управления и перехватить у повстанцев контроль над ним, в случае необходимости прибегнув к силе. Каждый член отряда заявителя, в котором насчитывалось около 15 офицеров, был вооружен пистолетом-пулеметом калибра 7,62 мм и пистолетом; кроме того, отряд имел на вооружении два пулемёта калибра 7,62 мм и около 25 ручных гранат.

13. По дороге к полицейскому управлению отряду заявителя встретились два молодых человека, у одного из которых был автомат. Подчиненные заявителя отобрали у них автомат и отпустили их.

14. Заявитель разделил своих подчиненных на две группы, одна из которых осталась снаружи, недалеко от входа в здание полицейского управления, а другая вошла внутрь. Во дворе здания полицейского управления они обнаружили четверых или пятерых обезоруженных полицейских и пятерых гражданских лиц, входивших в отряд повстанцев. Ворвавшись в полицейское управление, офицеры из отряда заявителя направили на повстанцев свои пистолеты-пулеметы. Один из повстанцев, Иштван Балаж, сказал, что они не вооружены. Тем не менее один из разоруженных полицейских сообщил, что у Тамаша Касаша есть пистолет. Иштван Балаж попросил Тамаша Касаша сдать оружие. После этого между заявителем и Тамашем Касашем произошла бурная ссора, содержание которой осталось неизвестным.

15. В конце концов Тамаш Касаш опустил руку в карман пальто и достал оттуда свой пистолет. В ответ на это заявитель решительно отдал своим подчиненным приказ открыть огонь и одновременно с этим сам начал стрелять в Тамаша Касаша из пистолета-пулемета. Пули попали Тамашу Касашу в шею и в живот, и он скончался на месте. Одним из произведенных по приказу заявителя выстрелов был ранен еще один человек, а три других выстрела ранили третьего человека. Пули попали еще в одного повстанца, который впоследствии скончался от полученных ранений. Еще два человека выбежали на улицу, и там остальные члены отряда заявителя открыли по ним огонь. Один из бежавших получил смертельное ранение в голову, а в другого попали несколько пуль, и он скончался на месте. Заявитель покинул место происшествия на мотоцикле. Неустановленные лица стреляли в него; заявитель упал с мотоцикла и при падении получил травму.

В. Рассмотрение дела в Конституционном суде Венгрии

16. 16 февраля 1993 г. парламент Венгрии принял Закон (далее — Закон), предусматривающий, в числе прочего, что согласно Конвенции ООН о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества 1968 года (инкорпорированной в венгерское законодательство Декрет-законом² № 1 1971 года) к некоторым деяниям, совершенным во время восстания 1956 года, не применяется срок давности. Впоследствии Президент Республики инициировал проверку конституционности этого закона перед его официальным опубликованием.

17. 13 октября 1993 г. Конституционный суд Венгрии вынес постановление по данному вопросу, сформулировав определенные конституционные требования к уголовному преследованию за совершение военных преступлений и преступлений против человечества. Суд указал, что законодатель может отказаться от применения срока давности к наказуемости определенных деяний лишь в том случае, если по венгерскому законодательству на эти деяния на момент их совершения не распространялся срок давности. По мнению суда, единственным исключением из этого правила являются ситуации, когда международное право квалифицирует эти деяния как военное преступление или преступление против человечества и исключает применение к ним срока давности, а также ситуации, когда Венгрия связана международно-правовым обязательством исключить применение к этим деяниям срока давности. Поэтому Конституционный суд Венгрии объявил статью 1 Закона не соответствующей Конституции страны ввиду того, что она направлена на отмену срока давности в отношении деяний, не относящихся к категории военных преступлений.

18. В соответствующем разделе мотивировочной части постановления Конституционного суда Венгрии № 53/1993 сказано следующее:

«IV. Особенности военных преступлений и преступлений против человечества

1. Военные преступления и преступления против человечества являются преступлениями не в силу национального уголовного права, а по воле международного сообщества, которое определяет их основные признаки.

¹ Венгерское восстание 1956 года (23 октября — 9 ноября 1956 г.) (в Венгрии известно как Венгерская революция 1956 года, в советских источниках как Венгерский (фашистский) мятеж 1956 года) — вооруженные выступления против режима «народной демократии» в Венгрии, сопровождавшиеся массовыми убийствами венгерских коммунистов, сотрудников органов государственной безопасности и внутренних дел (примечание редакции).

² Декрет-законы — в ряде европейских государств название временных актов, принимаемых в случаях особой необходимости и срочности правительством под свою ответственность и имеющих силу закона. В случае принятия декрет-закона правительство обязано немедленно представить его парламенту для утверждения. Декрет-законы теряют силу с момента издания, если парламент не утвердит их в течение определенного времени (примечание редакции).

Из принципов международного права, общепризнанных со времен Второй мировой войны, вытекает, что эти преступления не сводятся к преступлениям, являющимся наказуемыми согласно национальному законодательству большинства государств (поэтому убийство само по себе не может квалифицироваться как преступление против человечества). Международный характер этих преступлений связан с тем, что на наднациональном уровне они определяются со ссылкой на естественное право <...>, на защиту “основ международного сообщества” или на угрозу, которую они представляют для всего человечества: те, кто их совершает, — “враги рода человеческого”. Таким образом, значимость этих преступлений слишком велика, чтобы ставить их наказуемость в зависимость от их признания тем или иным государством или от общей государственной политики в области уголовного права.

2. Уголовное преследование и наказание тех, кто совершил военные преступления или преступления против человечества, осуществляется именно международным сообществом: с одной стороны, оно располагает для этого международными судами, а с другой стороны, оно может обязать государства, желающие быть его частью, преследовать этих лиц в уголовном порядке <...>.

4. Уголовное преследование и наказание за совершение военных преступлений и преступлений против человечества может осуществляться лишь при условии существования правовых гарантий, без которых защищать права человека было бы непоследовательно. Однако эти международные гарантии нельзя заменять или подменять юридическими гарантиями, которые предусмотрены национальным правом.

(а) В международном праве гарантия *nullum crimen sine lege*¹ применяется по отношению к международно-правовым нормам, а не к национальному праву. “Международное обычное право”, “принципы права, признанные цивилизованными нациями” и “принципы права, признанные международным сообществом” образуют систему, в рамках которой определенные виды деяний считаются основаниями для судебного преследования и привлечения к ответственности по правилам, установленным международным сообществом (посредством международных организаций или государств — членов международного сообщества), независимо от того, предусматривает ли национальное законодательство ответственность за аналогичное преступление, или от того, были ли соответствующие соглашения инкорпорированы в национальное законодательство. Тяжесть военных преступлений и преступлений против человечества — в частности, то, что они ставят под угрозу международный мир и безопасность и человечество как таковое, — не позволяет оставлять вопрос об их наказуемости на усмотрение национального законодателя <...>.

Пункт 1 статьи 15 Международного пакта о гражданских и политических правах, который по своему содержанию соответствует пункту 1 статьи 7 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, обязывает государства-участников безоговорочно придерживаться принципов *nullum crimen sine lege u nulla poena sine lege*². Ученые считают, что выражение “уголовное преступление”, употребляющееся в международном праве (“никто не может быть признан виновным в совершении какого-либо уголовного преступления вследствие какого-либо действия или упущения, которое, согласно действо-

вавшему в момент его совершения внутригосударственному законодательству или международному праву, не являлось уголовным преступлением”), относится исключительно к тем преступлениям, ответственность за совершение которых недвусмысленно предусмотрена национальным правом посредством ратификации или прямого применения.

Согласно пункту 2 статьи 15 Пакта, “ничто в настоящей статье не препятствует преданию суду и наказанию любого лица за любое деяние или упущение, которые в момент совершения являлись уголовным преступлением согласно общим принципам права, признанным международным сообществом” (пункт 2 статьи 7 Европейской конвенции сформулирован аналогичным образом, с той только разницей, что вместо выражения “международное сообщество” в нем употребляется словосочетание “цивилизованные нации”). Разделение этих двух пунктов делает возможным уголовное преследование за совершение вышеупомянутых преступлений особого вида, определение которых содержится в международном праве, даже теми государствами — членами международного сообщества, чья национальная правовая система не предусматривает уголовной ответственности за это деяние либо не устанавливает никакого наказания за его совершение. Из этого логически следует, что такого рода деяния могут являться основанием для уголовного преследования и привлечения к ответственности в соответствии с условиями и требованиями международного права. Пункты 2 соответствующих статей Пакта и Европейской конвенции, очевидно, имеют приоритет по отношению к гарантиям, предусмотренным национальным уголовным правом, тем более что и пункт 2 статьи 4 Пакта, и пункт 2 статьи 15 Европейской конвенции требуют неуклонно соблюдать принципы *nullum crimen sine lege u nulla poena sine lege* даже в случае войны или чрезвычайного положения. Тем государствам, которые инкорпорировали в свое национальное законодательство международно-правовые нормы о военных преступлениях и преступлениях против человечества после того, как эти преступления были совершены, пункты 2 вышеупомянутых статей разрешают придавать национальным уголовно-правовым нормам обратную силу в рамках их собственной правовой системы. В этом случае наказуемость таких действий на момент их совершения должна устанавливаться не национальным, а международным правом.

Исторически это исключение применялось в отношении наказуемости военных преступлений и преступлений против человечества, совершенных во время Второй мировой войны. Однако с тех пор развитие международного права привело к выделению сферы международного гуманитарного права из контекста войны, и уголовное преследование и привлечение к ответственности за совершение такого рода преступлений перестало зависеть от требований и условий национальной системы уголовного права. Это касается, в частности, срока давности, так как были приняты две конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества <...>.

V. Преступления, определение которых содержится в международном праве и в Конституции

1. Определение военных преступлений и преступлений против человечества и условия привлечения к ответственности за их совершение сформулированы в международном праве; уголовное преследование и наказание за совершение этих преступлений, прямо или косвенно, через возлагаемые на государства обязательства, осуществля-

¹ *Nullum crimen sine lege* (лат.) — нет преступления без предусматривающего его закона (примечание редакции).

² *Nullum poena sine lege* (лат.) — нет наказания без предусматривающего его закона (примечание редакции).

ется международным сообществом. Поскольку военные преступления и преступления против человечества угрожают основам человечества и совместного существования наций, нормы, устанавливающие наказуемость этих преступлений, являются императивными нормами общего международного права. Государства, которые отказываются брать на себя эти обязательства, не могут быть членами международного сообщества <...>.

2. Международно-правовая регламентация военных преступлений и преступлений против человечества игнорирует принцип *nullum crimen sine lege*, преобладающий в национальном законодательстве, так как она предписывает привлекать к ответственности за совершение этих преступлений независимо от того, являлись они наказуемыми по национальному праву на момент их совершения или нет. <...> В этих обстоятельствах нарушается не сам принцип *nullum crimen sine lege*, а [лишь] ограничение его действия сферой национального законодательства. В рамках системы международного права требуется, чтобы на основании общих принципов, признанных международным сообществом, которые действовали на момент совершения соответствующего деяния <...>, определенные преступления квалифицировались как военные преступления или преступления против человечества. В отношении этих преступлений уголовно-правовые полномочия (через уголовно-правовые полномочия Венгерской Республики) на самом деле осуществляет международное сообщество, соблюдая при этом предусмотренные им условия и гарантии. Национальное законодательство подлежит применению постольку, поскольку международное право прямо этого требует (например, при определении санкций за совершение преступлений, о которых идет речь по настоящему делу). Применение положений национального законодательства, противоречащих явно выраженной императивной норме международного права, не допускается <...>.

4. <...>

(b) Деяния, определение которых содержится в статье 3, общей для Женевских конвенций (далее — статья 3 Женевских конвенций), являются преступлениями против человечества; [эта статья] содержит минимальные требования, которые обязаны соблюдать все воюющие стороны “всегда и всюду”. Международный Суд ООН признал, что запреты, содержащиеся в статье 3 Женевских конвенций 1949 года, основаны на “элементарных соображениях человечности” и должны соблюдаться в условиях любого вооруженного конфликта, международного или внутреннего (решение Международного Суда ООН от 27 июня 1986 г. по делу “Никарагуа против Соединенных Штатов Америки”, Сборник решений Международного Суда ООН [ICJ Reports] за 1986 год, с. 114). Определяя преступления против человечества, пункт 47 доклада¹ об Уставе Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии также ссылается на статью 3 Женевских конвенций.

<...>

(d) Характерной особенностью военных преступлений и преступлений против человечества является то, что они являются наказуемыми независимо от того, были ли при их совершении нарушены положения национального законодательства или нет. <...> Поэтому не имеет значения, были ли Женевские конвенции надлежащим образом инкорпорированы в венгерское законодательство и выполнила ли Венгрия свое обязательство обеспечить их действие до <...> 23 октября 1956 г. Независимо [от этого] ответственность лиц, совершивших указанные преступления,

предусмотрена международным правом, и последующее национальное законодательство, которое потенциально может быть принято, возможно, реализует эту ответственность в том объеме, который был установлен первоначально <...>».

19. Во исполнение постановления № 53/1993 в этот Закон впоследствии были внесены изменения, и он был промульгирован как Закон № 90 1993 года.

С. Расследование, проведенное в отношении заявителя, и предъявленное ему обвинение

20. 14 декабря 1993 г. следственное ведомство г. Будапешта начало расследование по поводу предполагаемых преступлений против человечества, совершенных в г. Тата во время революции 1956 года. 20 апреля 1994 г. заявитель был допрошен в качестве подозреваемого.

21. 27 декабря 1994 г. военная прокуратура г. Будапешта предъявила заявителю обвинение в связи с той ролью, которую он сыграл в событиях, произошедших в г. Тата 26 октября 1956 г. Ему вменялось в вину, что он командовал военным отрядом, выполняя приказ восстановить контроль над полицейским управлением, а также в том, что он стрелял в гражданских лиц сам и отдал приказ открыть по ним огонь своим подчиненным, в результате чего несколько человек было убито и еще несколько человек ранено. Исходя из утверждений об этих фактах, заявителю было предъявлено обвинение:

«в совершении преступления против человечества по смыслу положений пункта 1 статьи 3 Женевской конвенции (IV) о защите гражданского населения во время войны, принятой в г. Женеве 12 августа 1949 г. и инкорпорированной в венгерское законодательство Декретом-законом № 32 1954 года, которое является наказуемым согласно пункту «а» части второй статьи 1 Закона № 90 1993 года [“О порядке производства по делам о некоторых преступлениях, совершенных во время октябрьской революции 1956 г. и борьбы за свободу”]».

D. Рассмотрение уголовного дела по первой инстанции в Будапештском столичном суде

22. 29 мая 1995 г. военная коллегия Будапештского столичного суда прекратила производство по уголовному делу в отношении заявителя, решив, что преступление, в совершении которого он обвиняется, является убийством и подстрекательством к убийству, а не преступлением против человечества и, таким образом, в отношении него истек срок давности.

23. В соответствующем разделе мотивировочной части решения военной коллегии Будапештского столичного суда сказано следующее:

«Говоря о признаках состава преступления, суд будет применять правовую норму, содержащуюся в международной конвенции, а говоря о санкциях, полагающихся за его совершение, он обращается к национальному уголовному праву.

Часть 1 статьи 7 Конституции требует применять соответствующий международно-правовой акт, инкорпорируя его в национальное законодательство; а Закон № 90 1993 года преобразует его в норму позитивного уголовного права. Признаки преступления, о которых идет речь по настоящему делу, инкорпорированы в национальное законодательство, но в нем отсутствуют понятия, на осно-

¹ Доклад Генерального Секретаря ООН во исполнение пункта 2 Резолюции Совета Безопасности № 808 (1993), представленный 3 мая 1993 г. (S/25704).

вании которых можно было бы их истолковать. Поэтому толкование этих признаков может осуществляться лишь в соответствии с международным правом.

Закон № 28 1990 года, определяющий значение октябрьской революции 1956 года и борьбы за свободу, и Закон № 90 1993 года “О порядке производства по делам о некоторых преступлениях, совершенных во время октябрьской революции 1956 года и борьбы за свободу” указывают, что в 1956 году в Венгрии происходила революция и борьба за свободу. На основании этих законов и [общезвестных] фактов можно сделать вывод, что преступления, которые имели место 26 октября 1956 г., были совершены во время революции. Однако то, что в венгерском законодательстве эти преступления определяются именно таким образом, не освобождает от необходимости рассмотреть вопрос о наличии вооруженного конфликта немеждународного характера. Когда Закон № 90 1993 г. устанавливает признаки [состава преступления, о котором идет речь по настоящему делу], он ссылается на конвенцию, подписанную 12 августа 1949 г.; следовательно, толкование [этих признаков] может осуществляться лишь в соответствии с практикой применения соответствующих положений международного права либо в соответствии с международно-правовыми актами, если таковые существуют.

Вышеупомянутая конвенция определяет свою сферу применения в статье 2 следующим образом: “помимо постановлений, которые должны вступить в силу еще в мирное время, настоящая Конвенция будет применяться в случае объявленной войны или всякого другого вооруженного конфликта, возникающего между двумя или несколькими Высокими Договаривающимися Сторонами, даже в том случае, если одна из них не признает состояния войны”. Кроме того, статья 3 предусматривает, что положения этой конвенции применяются “в случае вооруженного конфликта, не носящего международного характера и возникающего на территории одной из Высоких Договаривающихся Сторон”.

Суд должен рассмотреть вопрос, имел ли место в Венгрии 26 октября 1956 г., то есть на момент совершения преступления, вооруженный конфликт, не носящий международного характера.

Определение термина “вооруженный конфликт, не носящий международного характера” содержится в Дополнительном протоколе к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающемся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (*далее* — Протокол II), который был инкорпорирован в венгерское законодательство Декретом-законом № 20 1989 года. Пункт 1 статьи 1 этого Протокола формулирует условия применения соответствующих положений: “Настоящий Протокол, развивающий и дополняющий статью 3, общую для Женевских конвенций от 12 августа 1949 г., не изменяя существующих условий ее применения, применяется ко всем вооруженным конфликтам, не подпадающим под действие статьи 1 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I), и происходящим на территории какой-либо Высокой Договаривающейся Стороны между ее вооруженными силами или другими организованными вооруженными группами, которые, находясь под ответственным командованием, осуществляют такой контроль над частью ее территории, который позволяет им осуществлять непрерывные и согласованные военные действия и применять настоящий Протокол”. В пункте 2 статьи 1 Протокола сказано, что он “не применяется к случаям нарушения внутреннего порядка и возникновению обстановки внутренней напряженности, таким, как

беспорядки, отдельные и спорадические акты насилия и иные акты аналогичного характера, поскольку таковые не являются вооруженными конфликтами”.

То, что определение термина “вооруженный конфликт, не носящий международного характера” содержится в пункте 1 статьи 1 Протокола, касающегося защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера, который был подписан 8 июня 1977 г. и инкорпорирован в венгерское законодательство Декретом-законом № 20 1989 года, то есть в международном договоре, заключенном после совершения преступления, о котором идет речь по настоящему делу, — на самом деле надуманная проблема, поскольку в пункте 1 статьи 1 Протокола II заявляется, что этот протокол развивает и дополняет статью 3 Женевских конвенций 1949 года, не изменяя, однако, условий ее применения. Поэтому можно установить, что, хотя Протокол II развивает и дополняет материально-правовые нормы конвенций (то есть правила поведения в случае вооруженного конфликта немеждународного характера), он не вносит никаких изменений в существующие условия их применения. Поэтому в самом пункте 1 статьи 1 Протокола II установлено, что содержащееся в этом пункте определение вооруженного конфликта, не носящего международного характера, не изменяет значения этого термина, которое ему придают Женевские конвенции 1949 года, а лишь интерпретирует его. [Это определение] не является ни ограничительным, ни расширительным толкованием [понятия вооруженного конфликта, не носящего международного характера, которое используется в статье 3 Женевских конвенций], а представляет собой самое первое толкование, определяющее значение исходного понятия. (По мнению суда, это толкование в любом случае не может быть ни ограничительным, ни расширительным, поскольку ни один другой международно-правовой акт не содержит определения указанного термина, с которым можно было бы сравнить указанное толкование). Поэтому следует полагать, что термин “вооруженный конфликт, не носящий международного характера” уже имел это значение на момент подписания конвенции.

Анализ этого определения показывает, что вооруженные конфликты такого типа относятся к категории конфликтов, “происходящих на территории какой-либо Высокой Договаривающейся Стороны между ее вооруженными силами или другими организованными вооруженными группами, которые, находясь под ответственным командованием, осуществляют такой контроль над частью ее территории, который позволяет им осуществлять непрерывные и согласованные военные действия и применять настоящий Протокол” <...>

В ночь с 23 на 24 октября 1956 г. в Венгрии начали спонтанно формироваться первые вооруженные отряды, особенно в тех районах г. Будапешта, где повстанцы вступали в бой с частями Советской Армии, которые неожиданно для них начали там разворачиваться. Нет никаких сомнений, что эти вооруженные отряды сражались против центральных войск, хотя некоторые из них продолжали вести переговоры с властями Венгерской Народной Республики и с Министерством обороны. Кроме того, можно со всей определенностью заявить, что эти отряды никогда не подчинялись центральному командованию, так как к тому моменту, когда было введено объединенное командование Национальной гвардией и правительственными войсками под руководством Белы Кирая, назначенным премьер-министром Имре Надем, вооруженные конфликты в стране практически прекратились. Поэтому очевидно, что, хотя вооруженные отряды свободно обменивались

между собой информацией, военные действия, которые они осуществляли в различных частях страны, не были согласованными. По-видимому, мы уже никогда не узнаем, на каких территориях и в какой степени вооруженные отряды находились под контролем различных спонтанно созданных революционных органов или прежних органов власти, которые продолжали частично функционировать по всей стране.

Сопоставляя определение, приведенное в Протоколе II, и высказывания, содержащиеся в экспертном заключении историка, можно установить, что Закон № 90 1993 года и, следовательно, Конвенция (IV) о защите гражданского населения во время войны, подписанная в г. Женеве 12 августа 1949 г., неприменимы к деянию, описанному в обвинительном заключении.

Фактически из экспертного заключения историка следует, что 26 октября 1956 г. вооруженные отряды не подчинялись центральному командованию. Воюющие стороны не были четко определены, так как вооруженные отряды и лица, которые иногда принимали участие в вооруженных действиях на той же территории, но независимо друг от друга, часто руководствовались различными политическими соображениями. Невозможно доподлинно установить, какие районы страны и в какой степени находились под контролем повстанцев, а также позволял ли им этот контроль осуществлять непрерывные и согласованные военные действия. Кроме того, невозможно установить, действительно ли вооруженные отряды достигли такого уровня организации или подчинялись центральному командованию в такой степени, что это позволило им применять во время военных действий положения Протокола.

Исходя из вышесказанного, суд пришел к выводу, что ни международное соглашение, инкорпорированное в венгерское законодательство Декрет-законом № 32 1954 года, ни Закон № 90 1993 года не применимы к преступлению, о котором идет речь по настоящему делу.

Действия обвиняемого, <...> если они действительно были совершены в обстоятельствах, описанных в обвинительном заключении, <...> должны квалифицироваться как убийство нескольких человек и подстрекательство к убийству нескольких человек.

Даже если считать совершенное обвиняемым преступление доказанным, 26 октября 1971 г. в отношении него истек срок давности. Поэтому суд прекращает производство по данному уголовному делу».

24. 8 июня 1995 г. прокуратура обжаловала это решение в Верховный суд Венгрии.

Е. Приостановление производства по делу до вынесения решения Конституционного суда Венгрии

25. 29 ноября 1995 г. соответствующая коллегия Верховного суда Венгрии приостановила рассмотрение дела по второй инстанции до завершения производства по жалобе, поступившей в Конституционный суд Венгрии. В этой жалобе Председатель Верховного суда Венгрии и Генеральный прокурор Венгрии оспаривали конституционность Закона, упомянутого выше, в пункте 16 настоящего постановления, на основании того, что он, по их мнению, нарушал международные соглашения.

26. 4 сентября 1996 г. Конституционный суд Венгрии прекратил действие всех положений этого Закона, признав его не соответствующим Конституции Венгрии. Суд отметил, что, хотя в Закон и были внесены изменения с учетом решения Конституционного суда № 53/1993, а

его целью являлось преследование лиц, совершивших военные преступления или преступления против человечества в 1956 году, он тем не менее препятствовал преследованию этих лиц в соответствии с общими принципами международного права. Суд отметил, что Закон содержит ошибки кодификации, а именно неточные ссылки на различные положения Женевских конвенций 1949 года, и поэтому он не соответствует конституционному требованию о согласованности норм внутреннего и международного права и не подлежит применению. В своем решении № 36/1996 Конституционный суд Венгрии пришел к следующему выводу:

«II. 2. Заявители утверждают, что Закон противоречит международному соглашению [Женевским конвенциям] и поэтому его невозможно толковать и применять. С его отменой устраняется препятствие, не позволявшее властям Венгрии осуществлять уголовное преследование и наказание [лиц, совершивших] военные преступления и преступления против человечности, определение которых содержится в международном праве <...> Конституционный суд <...> обращает внимание на то, что все признаки преступлений, наказуемых согласно международному праву, и санкции, полагающиеся за их совершение, определяет само международное право».

Ф. Передача дела в производство столичного суда и рассмотрение дела этим судом

27. 6 декабря 1996 г. кассационная коллегия Верховного суда Венгрии отменила решение от 29 мая 1995 г. и вернула дело в суд первой инстанции с указанием рассмотреть его заново, начиная со стадии следствия. Коллегия дала следующие рекомендации относительно хода производства по делу:

«III. <...> суду надо будет рассмотреть вопрос о том, можно ли в настоящем деле выявить обстоятельства и признаки состава преступления, предусмотренного [Женевскими] конвенциями [и Протоколами к ним]. Это позволит определить, каким образом следует квалифицировать совершенное заявителем деяние — как преступление против жизни или как преступление против человечества, к которому не применяется срок давности.

Изложение обстоятельств дела военной коллегией недостаточно подробно и не позволяет установить упомянутые признаки состава преступления, а без этого невозможно однозначно определить, применяются ли в данном деле вышеупомянутые конвенции. Поэтому решение коллегии, в том числе в той части, которая касается приостановления производства по делу, является необоснованным (пункт «а» части 2 статьи 239 Уголовно-процессуального кодекса).

IV. Для того чтобы вынести по делу обоснованное решение, необходимо изложить обстоятельства дела с учетом хронологии вооруженных столкновений во время октябрьской революции 1956 года и борьбы за свободу. Это позволит выяснить, действительно ли вооруженные силы повстанцев подчинялись ответственному командованию, осуществляли контроль над частью территории страны и осуществляли непрерывные и согласованные действия.

Для того чтобы устранить недостатки предыдущего решения, суд может в процессе повторного рассмотрения дела, начиная со стадии следствия, запросить заключение эксперта — специалиста по военной истории из Института военной истории.

Суд первой инстанции должен будет на слушаниях дела рассмотреть уже имеющееся экспертное заключение, а также заключение, которое будет получено в ходе дополнительного расследования. Полное установление обстоятельств дела, которое позволит разрешить вопрос об уголовной ответственности обвиняемого, может производиться лишь путем аналитической оценки доказательств».

28. 16 февраля 1998 г. специалист по военной истории представил свое заключение по сформулированным выше вопросам.

29. 7 мая 1998 г. военная коллегия провела заседание по делу. В судебном заседании военный прокурор утверждал, что заявитель виновен в преступлении против человечества, которое запрещено статьей 3 Женевских конвенций, и что наказание за его совершение предусмотрено частями первой и второй статьи 166 Уголовного кодекса, предусматривающими ответственность за убийство.

30. Защитник заявлял, что Женевская конвенция (IV) не применима в обстоятельствах дела и что, в любом случае, ее применение противоречило бы принципам *nullum crimen sine lege* и *nulla poena sine lege*, поскольку она не была должным образом инкорпорирована в венгерское законодательство.

31. В тот же день военная коллегия прекратила производство по уголовному делу, руководствуясь следующими соображениями:

«Для того чтобы квалифицировать преступление, в совершении которого обвиняется обвиняемый, коллегия, прежде всего, рассмотрела вопрос о том, чем является совершенное обвиняемым деяние — преступлением против человечества или подстрекательством к убийству нескольких человек. Нельзя согласиться с доводом защитника о том, что Женевские конвенции, не будучи должным образом инкорпорированы в венгерское законодательство, не дают оснований для привлечения обвиняемого к уголовной ответственности и что привлечение к уголовной ответственности на основании этих конвенций противоречило бы принципам *nullum crimen sine lege* и *nulla poena sine lege*.

В своем решении № 53/1993 (X.13.) Конституционный суд заявил, что правовая система Венгерской Республики восприняла общепризнанные принципы международного права и что, кроме того, они являются частью венгерского права без каких-либо [дополнительных] мер по их инкорпорации. В подпункте «а» пункта 4 раздела IV этого решения говорится, что в рамках системы международного права гарантия *nullum crimen sine lege* используется не в национальном законодательстве, а только в международном праве. Международное обычное право, принципы права, признанные цивилизованными нациями, и принципы права, признанные международным сообществом, образуют систему, в рамках которой определенные виды деяний считаются основаниями для судебного преследования и привлечения к ответственности по правилам, установленным международным сообществом, независимо от того, предусматривает ли национальное законодательство ответственность за аналогичное преступление, или от того, были ли соответствующие соглашения инкорпорированы в национальное законодательство.

Принимая во внимание эти соображения, суд не считает необходимым рассматривать вопрос о том, были Женевские конвенции надлежащим образом инкорпорированы в венгерское законодательство Декрет-законом № 32 1954 года или нет.

Пункт 1 статьи 3 Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны, принятой 12 августа 1949 г. и инкорпорированной в венгерское законодательство Декрет-законом № 32 1954 года, предусматривает следующее: <...>

С учетом вышесказанного, а также пункта 4 раздела V решения Конституционного суда №53/1993 и раздела II решения Конституционного суда № 36/1996 суд должен рассмотреть вопрос о том, содержит ли деяние, о котором идет речь в описательной части приговора, признаки состава преступления, предусмотренного [пунктом 1 статьи 3 Женевских конвенций].

Женевские конвенции не содержат определения понятия “вооруженный конфликт немеждународного характера”. В связи с этим суд считает необходимым сослаться на пункт 1 статьи 1 Протокола II, касающегося защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера, принятого 8 июня 1977 г. и инкорпорированного в венгерское законодательство Декрет-законом № 20 1989 года, в котором сказано следующее: <...>

С учетом вышесказанного при установлении обстоятельств дела суд должен рассмотреть вопрос о том, подчинялись ли в соответствующий период времени, то есть с 23 октября 1956 г. по 4 ноября 1956 г., вооруженные отряды, сражавшиеся в Венгрии против правительственных войск, ответственному командованию и осуществляли ли они такой контроль над частью территории страны, который позволял им осуществлять непрерывные и согласованные действия.

Принимая во внимание свои собственные выводы относительно обстоятельств дела, сделанные с учетом мнения эксперта-историка, суд не считает установленным, что эти условия были выполнены на момент совершения деяния, которое вменяется в вину обвиняемому.

Конвенции [Женевская конвенция (IV) и Протокол II] применяются лишь при одновременном соблюдении ряда строгих условий. Как сказано в конвенции, она применяется только в случае вооруженного конфликта высокой степени интенсивности и лишь тогда, когда боевые действия воюющих сторон институционализированы.

Исходя из установленных им обстоятельств дела, суд пришел к выводу, что 26 октября 1956 г. в Венгрии отсутствовал “вооруженный конфликт немеждународного характера” в том смысле, в каком этот термин понимается в международном праве. Исторический аспект установленных судом обстоятельств дела не дает оснований говорить о наличии преступления, определение которого содержится в международном праве, так как отсутствуют несколько признаков такого преступления, предусмотренных международным правом.

С учетом вышесказанного деяние обвиняемого — даже если считать доказанным факт его совершения — в соответствии с нормами, действовавшими на момент его совершения, должно квалифицироваться как убийство нескольких человек и подстрекательство к убийству нескольких человек по смыслу положений статьи 352 Официального сборника материальных уголовно-правовых норм [*Hatályos anyagi büntetőjogi szabályok hivatalos összeállítása, BHÖ*], действовавшего в 1952 году. В соответствии с пунктом “а” статьи 25 Закона № 2 1950 года в действовавшей в то время редакции срок давности в отношении этого преступления истек по истечении 15 лет. С учетом статьи 2 Уголовного кодекса не подлежит применению пункт “с” части второй статьи 33 Уголовного кодекса, которая запрещает применять срок давности к убийству, совершенному при отягчающих обстоятельствах.

Суд не предъявляет обвиняемому никаких обвинений. В то же время он не выносит ему оправдательный приговор, так как, по его мнению, когда речь идет о деяниях, в отношении которых срок давности уже истек, основание, исключающее наказуемость деяния, то есть истечение срока давности, в любом случае имеет преимущественное значение по сравнению с недоказанностью события преступления.

Таким образом, суд прекращает производство по уголовному делу, возбужденному в отношении обвиняемого по обвинению в убийстве нескольких человек и подстрекательству к убийству нескольких человек, так как 26 октября 1971 г. в отношении этого преступления истек срок давности».

Г. Производство по уголовному делу в суде кассационной инстанции

32. 5 ноября 1998 г., рассматривая поданную прокуратурой кассационную жалобу, Верховный суд Венгрии, рассматривая дело по второй инстанции, оставил это решение без изменения. Суд, получив заключения трех экспертов-историков, высказал следующие соображения:

«23 октября 1956 г. в Венгрии стихийно и неожиданно начались революция и борьба за свободу.

В ходе этих событий уже в ночь с 23 на 24 октября 1956 г. начали спонтанно формироваться первые вооруженные отряды, особенно в тех районах г. Будапешта, где они вступили в бой с частями Советской Армии, которые неожиданно для них начали там разворачиваться. Эти вооруженные отряды противостояли центральному войскам, хотя некоторые из них регулярно вели переговоры с властями Венгерской Народной Республики и с Министерством обороны. Вооруженные отряды никогда не подчинялись центральному командованию, так как к тому моменту, когда было введено объединенное командование Национальной гвардией и правительственными войсками под руководством Белы Кирая, назначенного премьер-министром Имре Надем, вооруженные конфликты в стране практически прекратились. Поэтому очевидно, что, хотя вооруженные отряды свободно обменивались между собой информацией, военные действия, которые они осуществляли в различных частях страны, не были согласованными.

23 октября 1956 г. центральное руководство все еще считало спонтанную революционную деятельность населения контрреволюцией и хотело подавить вооруженный мятеж с помощью вооруженных сил. Из-за политических разногласий, внутренней борьбы в руководстве Венгерской рабочей партии, успехов вооруженных отрядов и политического давления на правительство, 28 октября правительство, возглавляемое Имре Надем, перестало считать происходящие события контрреволюцией и объявили, что в стране имеет место национальное восстание <...>.

Поэтому суд первой инстанции вполне мог изложить обстоятельства дела следующим образом: «Начиная с 23 октября 1956 г. вооруженные отряды, спонтанно появившиеся в г. Будапеште и провинциальных городах, сражались со вторгшимися в г. Будапешт частями Советской Армии, а также с правительственными войсками, состоящими из сотрудников органов государственной безопасности и полиции и подразделений Национальной армии.

В первые несколько дней восстания (с 23 по 28 октября) отряды повстанцев формировались спонтанно и сражались сами по себе, не подчиняясь общему командованию. Они сражались прежде всего в г. Будапеште, однако другие, менее организованные и менее много-

численные отряды создавались и в провинциальных городах. Эти отряды постоянно расформировывались и реорганизовывались, поддерживая, скорее, отрывочные контакты друг с другом. Обычно эти контакты ограничивались обменом информацией. В период с 23 октября 1956 г. по 4 ноября 1956 г. они не осуществляли скоординированных военных действий. Они избирали командиров из своих собственных рядов, исходя из их заслуг в ходе боев. Командиры отрядов часто менялись в зависимости от ситуации на тот или иной момент, а победы и поражения заставляли сражавшихся выбирать себе новых командиров. Нельзя доподлинно установить, подчинялись ли эти отряды повстанцев какому-либо ответственному командованию; приказы командиров не служили для этих отрядов руководством к действию и не определяли их задач. Бойцы вооруженных отрядов не носили никаких знаков, отличающих их от гражданских лиц. Власти не признавали антиправительственные силы восставшей или воюющей стороной.

В г. Будапеште с 23 октября 1956 г. по 28 октября 1956 г. вооруженные отряды повстанцев контролировали территорию площадью от 3 до 4 квадратных километров. Контроль над этой территорией позволял им пресекать и затруднять действия правительственных войск, но упомянутая территория не была полностью блокирована, и правительственные войска могли по ней передвигаться, хотя и не без потерь.

Вооруженные отряды, образованные за пределами столицы, действовали независимо друг от друга и не контролировали сколько-нибудь обширной территории. В ходе боевых действий в некоторых городах они не задавались целью установить контроль над каким-либо регионом <...>.

В соответствии с требованиями конституционности, которые Конституционный суд предъявил к применению Закона в [решениях № 53/1993 и № 36/1996], Верховный суд должен в настоящем деле рассмотреть вопрос о том, является ли убийство нескольких человек, совершенное 26 октября 1956 г. во время первой фазы октябрьской революции 1956 года и борьбы за свободу, преступлением, предусмотренным статьей 3 Женевских конвенций 1949 года, то есть, другими словами, было ли оно запрещено указанной статьей.

По этому вопросу суд считает, что, если присутствуют все признаки состава преступления, предусмотренного в указанной статье, умышленное убийство, совершенное в нарушение норм международного права, представляет собой преступление против человечества и является наказуемым независимо от времени его совершения. Согласно пунктам «а» и «б» статьи 1 Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в г. Нью-Йорке 26 ноября 1968 г. и инкорпорированной в венгерское законодательство Декретом-законом № 1 1971 года, к такому преступлению не применяется срок давности.

Однако если деяние, в совершении которого обвиняется обвиняемый, содержит в себе не все признаки состава преступления против человечества, которые предусмотрены международным правом, оно согласно национальному закону будет квалифицировано как убийство.

Пункт 1 статьи 3 Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны, принятой 12 августа 1949 г. и инкорпорированной в венгерское законодательство Декретом-законом № 32 1954 года, предусматривает следующее: <...>

Учитывая принцип *nullum crimen sine lege*, для ответа на вопрос, являлось ли в 1956 году деяние, в совершении которого обвиняется обвиняемый, преступлением согласно международному праву, суд должен установить, были ли соблюдены общие условия, предусмотренные первым абзацем статьи 3 Женевских конвенций.

Однако указанные конвенции ни в статье 3, ни в какой-либо другой статье не уточняют значения понятия “вооруженный конфликт, не носящий международного характера и возникающий на территории одной из Высоких Договаривающихся Сторон”. Не указан в конвенциях и момент, начиная с которого внутренний вооруженный конфликт становится таковым в случае гражданской войны; другими словами, момент, начиная с которого к сторонам внутреннего вооруженного конфликта применяются положения конвенций.

Статья 1 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв вооруженных конфликтов международного характера (Протокол II), принятого в г. Женеве 8 июня 1977 г. и инкорпорированного в венгерское законодательство Декретом-законом № 20 1989 г., предусматривает, что этот Протокол “развивает и дополняет статью 3, общую для Женевских конвенций от 12 августа 1949 г., не изменяя существующих условий ее применения”.

Грамматическое толкование выражения “развивает и дополняет” приводит к однозначному выводу, что любая проблема юридического характера, которая может возникнуть, должна решаться путем совместного рассмотрения основной конвенции и Дополнительного протокола, а окончательное толкование их положений может осуществляться лишь путем их совместного рассмотрения.

Поэтому Верховный суд считает, что единственным заслуживающим доверия толкованием рассматриваемого понятия является определение, содержащееся в пунктах 1 и 2 статьи 1 вышеупомянутого Протокола, которое гласит: <...>

Хорошо известные события октябрьской революции 1956 года и борьбы за свободу и иные установленные судом обстоятельства недвусмысленно показывают, что революция и борьба за свободу начались стихийно 23 октября 1956 г. За четыре дня, прошедшие до 26 октября 1956 г., не была достигнута степень организованности, которую требует понятие вооруженного конфликта немеждународного характера.

Из детальных и поэтому заслуживающих доверия выводов суда первой инстанции об обстоятельствах дела напрямую следует, что вооруженные отряды повстанцев не подчинялись ответственному командованию и не осуществляли такой контроль над частью территории страны, который позволил бы им осуществлять непрерывные и согласованные военные действия и должным образом применять Женевские конвенции.

С учетом вышесказанного необходимо сделать вывод, что 26 октября 1956 г. в период октябрьской революции 1956 года и борьбы за свободу имели место не все признаки состава преступления против человечества по смыслу положений статьи 3 Женевских конвенций 1949 года».

Н. Решение о пересмотре решения по делу в порядке надзора

33. Рассмотрев надзорную жалобу прокуратуры на это решение, которая была подана 22 января 1999 г., надзорная коллегия Верховного суда Венгрии отменила решение от 28 июня 1999 г. и направила дело в кассационную коллегия.

34. В части, имеющей отношение к настоящему делу, в решении надзорной коллегии было сказано следующее:

«К преступлениям против человечества по смыслу положений статьи 3 Женевских конвенций 1949 года, касающихся защиты гражданского населения во время войны, не применяется срок давности.

[Таким образом] уголовное преследование за совершение военных преступлений и преступлений против человечества относится к категории международно-правовых обязательств, которые, согласно первому абзацу части 1 статьи 7 Конституции, не требуют специальных мер по их инкорпорации. Эти обязательства не учитывают преобладающий в венгерском законодательстве принцип *nullum crimen sine lege*, преследуя цель привлечь к ответственности за совершение таких деяний независимо от того, являлись ли они наказуемыми по национальному закону на момент их совершения. Поэтому не имеет значения, что национальное законодательство не содержит соответствующих правовых норм или расходится [с международным правом], так как в рамках системы международного права такие преступления должны на момент их совершения квалифицироваться как военные преступления или преступления против человечества в соответствии с общими принципами, признанными международным сообществом. Венгерское государство подписало и ратифицировало Женевские конвенции, и они вступили в силу 3 февраля 1955 г. Кроме того, Венгрия подписала Нью-Йоркскую конвенцию о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества 1968 года.

Суды, которые рассматривали дело, справедливо отметили, что преступление, описанное в обвинительном заключении, действительно имело место, даже если считать недоказанным, что оно было совершено обвиняемым.

Однако эти суды пришли к неправильному выводу, указав, что деяние, в совершении которых обвинялся обвиняемый — если считать доказанным факт его совершения — следует квалифицировать исключительно как убийство нескольких человек согласно действовавшему в то время национальному закону, то есть статье 352 Официального сборника материальных уголовно-правовых норм; что его, следовательно, нельзя считать преступлением против человечества по смыслу положений статьи 3 Женевских конвенций и что оно уже не является наказуемым в силу соответствующих положений Закона № 2 1950 года <...>.

Таким образом, суды неправильно истолковали слова “развивает и дополняет”, содержащиеся в вышеуказанной статье Протокола II, и с точки зрения логики, и с точки зрения грамматики, ограничившись ограничительным и самим по себе ошибочным грамматическим их толкованием. Они игнорировали формулировку Протокола, поясняющую, что он развивает и дополняет статью 3 Женевских конвенций, “не изменяя существующих условий ее применения”. Из этой формулировки с необходимостью следует, что Женевские конвенции по-прежнему действуют и что условия их применения остаются в силе.

Условия применения Протокола II, напротив, относятся исключительно к самому этому Протоколу. На это же указывает и следующая содержащаяся в нем формулировка: “Настоящий Протокол <...> развивает и дополняет статью 3, общую для Женевских конвенций от 12 августа 1949 года, <...> не изменяя существующих условий ее применения <...>”.

Положениям Дополнительного протокола, ограничивающим первоначальную сферу применения статьи 3 Женевских конвенций, нельзя придавать обратную силу.

Формулируя статью 3 Женевских конвенций, международное сообщество хотело дать гарантии лицам, нахо-

дящимся под защитой этих конвенций, в условиях гражданской войны, когда население какого-либо государства и национальные вооруженные силы противостоят друг другу. Текст этой статьи не содержит в дополнение к этому никаких иных условий, и требовать, чтобы они были предусмотрены, значило бы лишить конвенции гуманитарного характера. Если толковать Конвенцию и Протокол совместно, это означало бы, что статья 3 Женевских конвенций не применяется в случаях, когда сопротивление населения, подвергающегося нападению со стороны вооруженных сил государства, не достигает минимального уровня организованности, который требуется Дополнительным протоколом, даже если вооруженные силы государства истребляют всё население или определенную его часть <...>.

Независимо от установленных судами обстоятельств дела, общеизвестно, что, начиная с 23 октября 1956 г., центральный диктаторский режим использовал вооруженные силы против безоружного населения, принимавшего участие в мирных демонстрациях, и против вооруженных отрядов повстанцев, формирование которых еще не было завершено. В то время армия применяла мощную военную технику, в частности танки и самолеты, и осуществляла военные действия против тех, кто бросал вызов режиму, в масштабе всей страны. Практически этот режим развязал войну против подавляющего большинства населения. Это подтверждается приказами, отданными в тот период времени министрами обороны времен диктатуры.

Принимая все это во внимание, можно установить, что с 23 октября 1956 г. в Венгрии имел место вооруженный конфликт немеждународного характера, так как начиная с этого дня вооруженные силы диктатуры начали выступать против населения. 4 ноября 1956 г. территория Венгрии была оккупирована частями Советской Армии, и конфликт стал международным.

В этих обстоятельствах суд полагает, что суды, которые рассматривали дело, неправильно применили материальные уголовно-правовые нормы, придя к выводу, что установленные ими действия обвиняемого не образуют состав преступления против человечества, а состав убийства нескольких человек по смыслу исключительно положений национального законодательства и что, таким образом, в отношении этого преступления уже истек срок давности. Кроме того, суд считает, что впоследствии они допустили ошибку, прекратив производство по возбужденному в отношении обвиняемого уголовному делу на основании того, что совершенное им деяние не является наказуемым <...>».

1. ПОВТОРНОЕ РАССМОТРЕНИЕ ДЕЛА И ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ОСУЖДЕНИЕ ЗАЯВИТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ ПОРЯДКЕ

35. В рамках повторного рассмотрения дела по второй инстанции кассационная коллегия Верховного суда Венгрии провела заседания 18 мая 2000 г. и 6 сентября 2000 г. 6 сентября 2000 г. она отменила решение от 7 мая 1998 г., главным образом из-за ошибок, допущенных при установлении обстоятельств дела, и вернула дело в суд первой инстанции.

36. В рамках повторного рассмотрения дела по первой инстанции военная коллегия Будапештского столичного суда провела заседания 9, 10, 11, 16, 17 и 18 января 2001 г. 18 января 2001 г. она признала заявителя виновным в совершении преступлений, в которых он обвинялся.

37. Приговор основывался на показаниях обвиняемого, потерпевших и многочисленных свидетелей, на большом количестве документальных свидетельств (в том числе на Положении о военной службе в редакции, действовавшей

в 1956 году, личном деле обвиняемого, которое было заведено на него как на военнослужащего, свидетельствах о смерти потерпевших, протоколах следствия, большой документации, фотографиях, картах г. Тага и набросках местности), а также на заключениях судебно-медицинского эксперта и эксперта-криминалиста по баллистике.

38. На основании установленных таким образом обстоятельств дела суд, руководствуясь пунктом 1 статьи 3 «Женевской конвенции», признал заявителя виновным в убийстве нескольких человек, придя к выводу, что оно представляет собой преступление против человечества, при совершении которого он выступал в роли исполнителя в отношении убийств внутри здания полицейского управления и в роли подстрекателя в отношении убийства снаружи [*több emberen — részben felbújtóként — elkövetett emberöléssel megvalósított emberiség elleni bűncselekmény*].

39. При вынесении заявителю обвинительного приговора суд в соответствии со статьей 2 Уголовного кодекса Венгрии сопоставил соответствующие уголовно-правовые нормы, действовавшие на момент совершения преступления, с положениями Уголовного кодекса, действовавшими на момент вынесения приговора. Суд пришел к выводу, что уголовно-правовые нормы, действовавшие на момент совершения преступления, являются более мягкими, а следовательно, они и подлежат применению.

40. То, что результатом преступления стали не только несколько погибших, но и двое раненых, суд расценил как отягчающее обстоятельство, а то, что производство по возбужденному в отношении заявителя уголовному делу продолжалось на тот момент около шести лет, — как одно из смягчающих обстоятельств.

41. Суд приговорил заявителя к трем годам лишения свободы и к пяти годам поражения в определенных правах. Принятый тем временем декрет об амнистии давал заявителю возможность освободиться от отбывания наказания (см. ниже, пункт 45 настоящего постановления).

42. По поводу обстоятельств дела в решении военной коллегии Будапештского столичного суда сказано следующее:

«В ходе повторного рассмотрения дела военная коллегия Будапештского столичного суда пришла к следующим выводам относительно обстоятельств дела:

23 октября 1956 г. в 15 часов в г. Будапеште началась демонстрация против режима; к вечеру она переросла в массовые выступления. В течение следующих дней стычки и массовые демонстрации охватили еще несколько городов, а впоследствии — всю страну. 25 и 26 октября будапештское восстание распространилось на территорию Татского военного гарнизона, на территории которого в то время располагалось мотострелковое училище для младших офицеров имени Дожи; начальником училища был полковник Т.Л. Училище выпускало офицеров венгерской армии — стрелков и специалистов по бронетанковой технике. В то время обвиняемый, находясь в звании капитана, был начальником курса офицеров, обучающихся в мотострелковом училище для младших офицеров по специальности «бронетехника». Значительная часть сотрудников училища получила приказ отправиться в г. Будапешт, чтобы попытаться положить конец восстанию. Рано утром 24 октября под командованием полковника Т.Л. они покинули территорию училища. Начиная с 24 октября 1956 г., руководство училищем осуществлялось майором J.L.

Оставшиеся в училище военнослужащие располагали лишь отрывочными сведениями о том, что происходило в г. Будапеште. Объявляемые по радио сообщения и при-

казы противоречили друг другу, и это осложняло задачу командиров. 24 октября 1956 г. в 8 часов 45 минут был объявлен приказ о введении военного положения, согласно которому «<...> любые действия, направленные на свержение Народной Республики, а именно мятежи, подстрекательство к мятежам, сговор с целью мятежей, убийство, поджог, обладание взрывчатыми веществами или какое-либо иное преступление, совершенное посредством использования взрывчатых веществ, насилия по отношению к лицам, наделенным властными полномочиями, владения оружием без лицензии <...>, караются смертью <...>». Однако не прошло и четырех часов, как Имре Надь в своем обращении к венгерскому народу заявил, что на тех, кто прекратит сражаться и сложит оружие, требования военного положения распространяться не будут. В 14 часов 8 минут этот срок был перенесен на 18 часов.

Политическое и военное руководство страны считало демонстрации, прошедшие 23 октября, контрреволюцией. Министр обороны Венгрии, генерал-полковник Иштван Бата, отдал по телеграфу следующий приказ, который рано утром 26 октября 1956 г. был передан войскам: «Приказываю: <...> Предельно бдительно выполняйте свои обязанности! <...> Не допускайте беспорядков в своем гарнизоне; защищайте от вандализма самые важные сооружения! <...> Останавливайте любые транспортные средства, въезжающие в Будапешт и выезжающие из него; если вы найдете оружие, боеприпасы или вражеские листовки, конфискуйте их и арестуйте пассажиров! <...>». Приказ, который 27 октября отдал сначала генерал-полковник Иштван Бата, а затем генерал-лейтенант Кароль Янза, сменивший его на посту министра обороны, предписывал войскам «уничтожать всех вооруженных повстанцев». Подсудимый знал о введении военного положения и о том, что согласно объявленному декрету незаконное владение огнестрельным оружием карается смертью.

24 октября оставшихся в училище военнослужащих созовали на совещание, на котором им было приказано постоянно находиться на территории училища. В ходе этого же совещания была организована оборона училища. Майор J.L. вернулся в училище из г. Будапешта около 19 часов и привез с собой тело своего товарища, майора М.Р., погибшего в столичных боях. Оставшиеся в училище военнослужащие только тогда узнали о том, что на самом деле происходило в столице.

25 октября около 20 часов повстанцы совершили нападение на принадлежавший училищу тир в районе Шомоди, а рано утром 26 октября — на само училище. Эти атаки были отбиты военнослужащими училища. При этом погиб младший сержант Т. и был ранен капрал N. 26 октября повстанцы захватили Татскую районную тюрьму и прокуратуру и освободили содержащихся там лиц, в том числе осужденного J.K.

Руководство училища послало к зданию тюрьмы на машине отряд, состоящий из 20—25 офицеров, под командованием обвиняемого. Он убедил нескольких безоружных гражданских лиц, которые ему там встретились, покинуть место происшествия; после этого отряд вернулся в училище.

Тем временем капитан I.S., возвращавшийся в училище после выполнения служебного задания, заметил у памятника советским героям группу из 250—300 человек; 15—20 человек пытались повалить статую. Когда капитан I.S.

остановил свою служебную машину, на него напали несколько человек, избили его и выбросили наружу; у него отобрали табельное оружие и машину.

Во второй половине дня 26 октября повстанцы, повалив к тому времени памятник советским героям, пошли по направлению к полицейскому управлению. К тому моменту там находился весь личный состав, а также солдаты Национальной армии под командованием лейтенанта (имя которого неизвестно). У полицейских имелось табельное оружие, а у солдат — автоматы и ручные гранаты. В то время Татским районным полицейским управлением командовал капитан J.T.

Повстанцы хотели захватить полицейское управление, чтобы завладеть оружием. В толпе, напавшей на полицейское управление, были и гражданские лица, в частности Михай Черник, Бела Кисс, Иштван Медвед, Тамаш Касаш и J.K., которого утром этого же дня повстанцы освободили из районной тюрьмы.

Неподалеку от полицейского управления завязалась перестрелка. Повстанцы протаранили грузовиком ворота полицейского управления. Проникнув на территорию полицейского управления, они потребовали, чтобы полицейские и солдаты, которые к тому моменту уже не сопротивлялись, сдали им свое оружие. Полицейские и солдаты подчинились требованию повстанцев. Лейтенант (имя которого неизвестно) отдал свой автомат Михаилу Чернику, а сержант-майор I.B. отдал свое табельное оружие гражданскому лицу по имени Михай Нейманн.

Захватив полицейское управление, Иштван Медвед и Тамаш Касаш отвели капитана J.T. в рабочий кабинет, где они собирались его казнить. Однако казнь не состоялась, так как Иштвана Медведа и Тамаша Касаха остановили несколько повстанцев, в том числе J.K. <...>

Когда майору J.L. сообщили о событиях, которые произошли у памятника советским героям и в полицейском управлении, он приказал обвиняемому отправиться в полицейское управление вместе с несколькими офицерами и действовать там по своему усмотрению — в случае необходимости применять огнестрельное оружие на поражение — для того, чтобы положить конец мятежу и восстановить порядок. В соответствии с полученными указаниями обвиняемый набрал отряд, в котором насчитывалось около 15 офицеров. В отряд вошли лейтенант J.T., лейтенант K.M., лейтенант по фамилии T., старший лейтенант J.V., старший лейтенант J.L. и капитан I.L. Личности остальных членов отряда не установлены. Все члены организованного обвиняемым отряда были курсантами отделения моторизованной техники; будучи их инструктором, обвиняемый командовал всеми членами отряда. Его заместителем был капитан I.L.

Подсудимый и члены созданного им отряда были вооружены пистолетами-пулеметами ППС¹ калибра 7, 62 мм и пистолетами TT². Кроме того, у них было два ручных пулемета ДП³, ящик, в котором лежало около 25 ручных гранат 42М с детонаторами, и боеприпасы.

Перед отъездом обвиняемый проинструктировал своих подчиненных и сообщил им о поставленных задачах. Он объяснил, что, поскольку полицейские, находившиеся в Татском районном полицейском управлении, безоружны, отряд направляется туда для того, чтобы взять на себя функции полиции и восстановить порядок. Утром отряд

¹ ППС — пистолет-пулемёт Судаева. Был разработан советским конструктором А. Судаевым в 1942 году и применялся во время Великой Отечественной войны. Главным отличием пистолетов-пулемётов от автоматов и штурмовых винтовок является применение сравнительно маломощных пистолетных патронов (примечание редакции).

² Пистолет TT — самозарядный пистолет, разработанный в 1930 году советским конструктором Ф. Токаревым (примечание редакции).

³ ДП (Дегтярёва пехотный) — ручной пулемёт, разработанный В. Дегтярёвым, один из первых образцов стрелкового оружия, созданных в СССР. Массово использовался вплоть до конца Великой Отечественной войны (примечание редакции).

выехал из училища на грузовике. Они припарковались на некотором расстоянии от полицейского управления <...>. По приказу обвиняемого они вышли из машины и разделились на две группы. Командование первой группой взял на себя обвиняемый, а второй — его заместитель, капитан I.L. Обе группы направились <...> к полицейскому управлению. По дороге им встретились два молодых человека, один из которых нес автомат. Офицеры остановили их и, не встретив сопротивления, отобрали у них автомат, а потом отпустили.

Члены отряда офицеров прибыли в полицейское управление не раньше 17, но не позже 18 часов. Фонари на улицах уже горели, поэтому видимость снаружи полицейского управления была достаточно хорошая.

К тому времени, как отряд офицеров прибыл в полицейское управление, вооруженные повстанцы уже покинули место происшествия на грузовике, направившись к Главному почтамту г. Тага. Захватив телефонную станцию, они вывели из строя телефонную связь. Большая часть обезоруженных полицейских также покинули центральный полицейское управление и разошлись по домам либо вместе с семьями укрылись в офицерском училище. Солдаты, которые на момент нападения на полицейское управление находились там вместе со своим командиром, лейтенантом, тем временем тоже покинули здание. Подсудимый ничего о них не знал.

В то время в здании полицейского управления и во дворе находилось четверо или пятеро безоружных полицейских, а также потерпевшие Иштван Балаж, Бела Ронавёлдьи, Тамаш Касаш, Янош Сенкар и Сандор Фазинг. Иштван Балаж и Бела Ронавёлдьи остались в полицейском управлении, чтобы не дать повстанцам оскорблять находящихся там полицейских или причинить им какой-либо ущерб. Сандор Фазинг, которому в то время было 16 лет, пришел в полицейское управление, потому что, узнав о происходящем, захотел отыскать своего брата, служившего в Татском районном полицейском управлении. Причина, по которой там оказался Янош Сенкар, установлена не была <...>.

Первая группа офицеров под командованием капитана I.L., состоящая из лейтенанта К.М., лейтенанта J.L. и лейтенанта Т., осталась у входа в полицейское управление. К.М. нес пулемет, лейтенанты М. и Т. расположились через дорогу, напротив входа в полицейское управление, а капитан L. и лейтенант L. расположились справа от выхода. Недалеко от ворот, рядом с лейтенантом L., стоял гражданский с мотоциклом, который разговаривал с лейтенантом L. Другая группа офицеров под командованием обвиняемого прошла в ворота полицейского управления и вошла в коридор. Подсудимый зашел в дверь справа по коридору и спросил у полицейского, кто еще находится в управлении. Он попытался позвонить в училище, но ему это не удалось, так как телефонная станция была выведена из строя. Тогда он приказал своему отряду отделить гражданских лиц от полицейских.

После этого обвиняемый вместе со своими подчиненными вышел во внутренний двор, где они построились, образовав полукруг. J.T. и его товарищ, которые несли ящик с ручными гранатами, остановились и поставили его слева по коридору, а J.T. остался на правой стороне коридора. Перед офицерами рядом с входом в здание, расположены справа от внутреннего двора, на расстоянии около метра от входа стоял Иштван Балаж. Тамаш Касаш находился примерно в трех метрах справа от него, а Бела Ронавёлдьи — примерно в метре слева. Сандор Фазинг располагался рядом с входом в

здание на правой стороне двора. Точно установить местоположение Яноша Сенкара невозможно; вероятнее всего, он также стоял на правой стороне внутреннего двора рядом со стеной здания. Рядом с входом в полицейское управление справа от внутреннего двора, за потерпевшими, стояло несколько безоружных полицейских.

Офицеры постоянно держали свои пистолеты-пулеметы направленными на гражданских лиц. Иштван Балаж сказал им, что они не вооружены. Тогда полицейский, личность которого не установлена, стоявший позади Иштвана Балажа, сказал, что у Тамаша Касаша есть пистолет. Иштван Балаж попросил Тамаша Касаша сдать оружие, если оно у него есть.

В этот момент обвиняемый наблюдал за Тамашем Касашем; они находились на расстоянии всего лишь нескольких метров друг от друга. Между обвиняемым и Тамашем Касашем произошла ссора.

Подчиняясь просьбе, Тамаш Касаш полез во внутренний карман своего пальто и достал оттуда пистолет.

Подсудимый, по-видимому, ошибочно истолковав движение Тамаша Касаша или находясь в состоянии страха или шока, решительно отдал приказ открыть огонь. Почти сразу же после того, как обвиняемый отдал этот приказ, он выстрелил из пистолета-пулемета, который был нацелен на Тамаша Касаша; после этого офицеры побежали по направлению к заднему двору.

Одна пуля из пистолета-пулемета обвиняемого попала Тамашу Касашу в область живота, а вторая — в область легких. Он умер на месте.

Один из выстрелов, произведенных обвиняемым и офицерами из его отряда, случайно попал лейтенанту J.D. в бедро. Он вышел из полукруга, когда была отдана команда открыть огонь, и шел к галерее, надеясь там укрыться. Иштван Балаж был ранен в правую руку; Сандор Фазинг был ранен тремя пулями в шею и в бедро. По крайней мере одна пуля попала в Яноша Сенкара, который был ранен в голову и умер 28 октября 1956 г. после того, как его отвезли в больницу <...>.

Примерно через 15—20 минут после того, как утихли выстрелы, обвиняемый сел на один из стоявших во дворе мотоциклов, чтобы поехать в офицерское училище. Выехав из полицейского управления, он свернул налево. После того как он проехал 30—40 метров, по нему открыли огонь вооруженные лица, личности которых не установлены. В результате он упал на землю и при падении получил травму. Он бросился назад в полицейское управление и оттуда пешком прошел в училище через задний двор. Добравшись до училища, обвиняемый сообщил майору L., что в полицейском управлении между солдатами и гражданскими лицами произошла перестрелка, в результате которой обе стороны понесли потери. Подсудимый не смог ответить на вопрос старшего по званию, кто был зачинщиком перестрелки и кто отдал солдатам приказ открыть огонь. После этого в полицейское управление послали танк, чтобы вызволить оставшихся там офицеров <...>.

Суд установил эти обстоятельства на основе показаний обвиняемого и потерпевших, допрошенных в ходе повторного рассмотрения дела, а также на основе представленных суду документальных свидетельств.

На слушаниях дела представитель военной прокуратуры настаивал на изложении обстоятельств дела и их юридической квалификации согласно позиции стороны обвинения, предлагая суду признать обвиняемого виновным в преступлении против человечества, то есть в убийстве нескольких человек и в подстрекательстве к убийству нескольких

человек в нарушение требований пункта 1 статьи 3 Женевских конвенций от 12 августа 1949 г., которые были инкорпорированы в венгерское законодательство Декретом-законом № 32 1954 года. В том, что касается санкций, военный прокурор предложил суду приговорить обвиняемого к лишению свободы и к поражению в основных правах <...>

В ходе следствия и судебного разбирательства свидетель J.T. неизменно, категорично и непротиворечиво вопреки словам обвиняемого утверждал, что в то время, когда между обвиняемым и гражданским лицом произошла ссора и обвиняемый отдал приказ открыть огонь, обвиняемый оставался во внутреннем дворе полицейского управления. Тем не менее слова свидетеля, что, отдав приказ открыть огонь, обвиняемый начал стрелять из пулемета, — не более чем предположение.

В ходе следствия на допросе в качестве свидетеля 8 марта 1994 г., а впоследствии на очной ставке 29 апреля 1994 г. свидетель J.D. заявил, и его показания совпали с показаниями свидетеля J.T., что обвиняемый стоял во внутреннем дворе и отдал приказ открыть огонь после того, как между ним и “революционером” произошла ссора <...> Тем не менее в ходе повторного рассмотрения дела он утверждал, что не знает, кто отдал приказ открыть огонь <...>. Суд считает неубедительным заявление свидетеля, что он слышал приказ открыть огонь, но не может сказать, кто его отдал.

Следственному комитету удалось установить четырех свидетелей событий, которые произошли во внутреннем дворе полицейского управления. Из них двое были офицерами — подчиненными обвиняемого, встречались с ним каждый день и должны были знать его внешность и голос.

Иштван Балаж и Сандор Фазинг не знали офицеров, которые вошли во внутренний двор. Поскольку события развивались стремительно и неожиданно, они не смогли хорошо рассмотреть офицеров. По мнению суда, именно поэтому двое гражданских свидетелей не признали в обвиняемом офицера, который отдал приказ открыть огонь.

Тем не менее суд полагает, что, в отличие от гражданских свидетелей, свидетель J.D., равно как и свидетель J.T., должны были узнать среди стоявших во внутреннем дворе офицеров человека, который отдал приказ открыть огонь. Принимая во внимание вышеуказанные соображения, суд соглашается с показаниями свидетеля J.D., полученными в ходе следствия, согласно которым приказ открыть огонь отдал обвиняемый.

Помимо показаний, находящихся в распоряжении суда, суд ссылается на хорошо известное военное правило, согласно которому члены вооруженного отряда, состоящего из подчиненных, могут применять оружие лишь по приказу своего командира. В то время командиром отряда офицеров являлся обвиняемый.

Суд считает удивительным, что обвиняемый оспаривал в судебном заседании обоснованность выдвинутых против него обвинений, заявляя, что его не было в коридоре здания, когда прозвучал выстрел из пистолета-пулемета, так как на допросе в качестве подозреваемого 20 апреля 1994 г. он признался, что пошел во внутренний двор, где находилась группа ссорящихся друг с другом лиц. Он даже показал на схеме места происшествия, где находился он сам и где располагалась группа ссорившихся. <...> Следовательно, показания, которые обвиняемый дал 20 апреля 1994 г., будучи допрошен в качестве подозреваемого, соответствуют показаниям свидетелей T. и D. о том, что, прежде чем использовать оружие, обвиняемый также находился во внутреннем дворе полицейского управления.

В судебном заседании, проведенном в рамках повторного рассмотрения дела, обвиняемый не смог удовлетворительно образом объяснить, почему он изменил свои показания, данные в ходе следствия.

Рассмотрев все доказательства по делу, вместе взятые, и каждое из них в отдельности, суд пришел к совершенно однозначному выводу, что во время ссоры во внутреннем дворе полицейского управления приказ открыть огонь отдал обвиняемый.

Поэтому суд считает нужным не согласиться с показаниями обвиняемого, в которых он отрицает факт совершения преступления, и сделать выводы относительно обстоятельств дела не в его пользу <...>.

Из имеющихся в распоряжении суда свидетельских показаний J.K. и Иштвана Балажа, а также из архивных материалов следует, что Тамаш Касаш принимал активное участие в захвате полицейского управления. Когда обезоруживали полицейских, он завладел оружием (пистолетом) и вместе с Иштваном Медведом хотел казнить начальника полицейского управления, капитана J.T. Документы того времени показывают, что после захвата полицейского управления толпа повстанцев направилась к центральной телефонной станции Главного почтамта, чтобы обрезать телефонные провода и помешать полицейским вызвать подкрепление. Очевидно, что обвиняемый, который в то время получил приказ ехать в полицейское управление, не смог позвонить оттуда потому, что повстанцы захватили местную телефонную станцию <...>

На основании свидетельских показаний невозможно установить вне всякого разумного сомнения, что Тамаш Касаш уже держал в руке пистолет во время ссоры с обвиняемым <...>.

По мнению суда, Тамаш Касаш оставался в полицейском управлении, чтобы прикрывать находившихся там повстанцев. Учитывая ранее возникшую ссору между Тамашем Касашем и капитаном J.T., само собой разумеется, что Тамаш Касаш был главным среди гражданских лиц, находившихся в полицейском управлении, и до прибытия на место происшествия офицеров руководил операцией.

Кроме того, очевидно, что, войдя в здание полицейского управления, обвиняемый должен был определить командующего операцией по захвату здания и разоружению полицейских и вступить с ним в переговоры.

Принимая во внимание приведенные выше соображения и свидетельские показания, можно прийти к выводу, что обвиняемый, будучи командиром отряда офицеров, должен был вступить в переговоры с гражданским лицом Тамашем Касашем и, вне всяких сомнений, между ними произошла ссора.

Можно только догадываться, о чем говорили или, скорее, спорили обвиняемый и Тамаш Касаш. Понятно, что обвиняемый спросил Тамаша Касаха, почему и с какой целью они захватили полицейское управление и как у него оказался пистолет. После того как повстанцы выдвинули свои требования, полицейские окружили их и внезапно выхватили оружие. Поэтому можно предположить, что Тамаш Касаш предложил обвиняемому либо присоединиться к мятежникам, либо сдать оружие.

Очевидно, что действия Тамаша Касаха по отношению к обвиняемому, должно быть, спровоцировали последнего отдать приказ открыть огонь и (или) воспользоваться своим собственным оружием <...>.

Из установленных судом обстоятельств дела следует, что в ответ на массовые демонстрации общенационального и местного значения 26 октября 1956 г. обвиняемый не раньше 17, но не позже 18 часов приехал в Татский полицейское управление

с отрядом, в котором насчитывалось около 15 офицеров, вооруженных пистолетами-пулеметами, пулеметами, пистолетами и ручными гранатами. Там он обнаружил несколько уже обезоруженных полицейских и нескольких гражданских лиц. Четыре человека из возглавляемого обвиняемым отряда остались контролировать вход в полицейское управление, прикрывая позиции, а остальные офицеры под командованием обвиняемого вышли во внутренний двор полицейского управления. Между обвиняемым и гражданским лицом по имени Тамаш Касаш, у которого был пистолет, произошла ссора. Тамаш Касаш хотел подчиниться требованию офицеров и сдать пистолет, который у него был, но в этот момент обвиняемый отдал приказ открыть огонь. Выстрелы, произведенные по приказу обвиняемого, ранили нескольких находившихся во дворе гражданских лиц — Тамаша Касаши, Яноша Сенкара, Иштвана Балажа и Сандора Фазинга. Впоследствии выстрелы, произведенные четырьмя офицерами, которые ждали на улице и охраняли вход, ранили Иштвана Балажа и Белу Ронавёлды, которые выбегали со двора на улицу. Тамаш Касаш и Бела Ронавёлды погибли на месте, а Янош Сенкар умер после того, как его отвезли в больницу. Иштван Балаж и Сандор Фазинг были серьезно ранены <...> выстрелами офицеров.

Занятая судом правовая позиция заключается в том, что, совершив деяние, о котором идет речь в описательной части приговора, обвиняемый совершил преступление против человечества, заключающееся, как и утверждал прокурор, в убийстве нескольких человек и — в том, что касается событий, которые произошли снаружи полицейского управления, — в подстрекательстве к убийству нескольких человек. Это преступление запрещено пунктом 1 статьи 3 Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны, принятой 12 августа 1949 г. и инкорпорированной в венгерское законодательство Декрет-законом № 32 1954 года. <...>

<...> Суд рассмотрел вопрос о том, какие факты и обстоятельства могли повлиять на способность обвиняемого здраво рассуждать в то время.

Подсудимого, должно быть, потрясла гибель сотрудников училища лейтенанта Р. и сержанта Т., а впоследствии — нападение повстанцев на капитана S.

Подсудимый знал о введении военного положения, и ему было известно, что участие в актах насилия, направленных против лиц, наделенных властными полномочиями, или ношение оружия без лицензии является преступлением и карается смертью.

В этих обстоятельствах обвиняемый получил приказ отправиться в полицейское управление, чтобы восстановить там порядок, так как повстанцы захватили здание полицейского управления и отобрали у полицейских оружие. Поэтому обвиняемый знал о возможности вооруженного нападения повстанцев, у которых уже <...> были пистолеты, и отдавал себе отчет в том, что жизни всех офицеров, проникших на территорию полицейского управления, находятся, таким образом, в опасности.

В то же время обвиняемый и его товарищи не имели никакой подготовки в области наведения порядка, у них не было специальных знаний в этой области, и поэтому они не знали, как вести себя в случае столкновения с группой враждебно настроенных лиц, вооруженных или безоружных.

В Татской тюрьме обвиняемый выполнил приказ, не прибегая к оружию. Он убедил гражданских лиц, которых обнаружил перед тюрьмой, покинуть место происшествия. По дороге к Татскому полицейскому управлению отряд обвиняемого встретил двух молодых людей, один из которых нес оружие. Вместо того чтобы задерживать и арестовывать их, обвиняемый отобрал у них автомат и отпустил их.

В связи с этим суд обращает внимание на дело о стрельбе в г. Кечкемете, когда офицеры Кечкеметского окружного военного командования арестовали двух человек, у которых они обнаружили оружие, и ответили арестованных во двор здания командования, где офицеры под руководством генерал-майора G. расстреляли их.

Получив приказ восстановить контроль над зданием полицейского управления, в случае необходимости при помощи оружия, обвиняемый и его товарищи выполняли тактическое задание.

В показаниях, которые они дали в ходе повторного рассмотрения дела, обвиняемый и его бывшие подчиненные заявили, что при выполнении приказа они струсил. Хотя согласно Военному уголовному кодексу трусость считается малодушием и как таковая является наказуемой, суд считает, что страх — это естественная человеческая реакция, которая в определенных условиях или ситуациях способна парализовать волю человека.

И вот, находясь в таком эмоциональном и интеллектуальном состоянии, обвиняемый встретился с Тамашем Касашем во дворе полицейского управления, причем последний во время захвата здания полицейского управления достал пистолет и хотел расстрелять начальника полицейского управления. По мнению суда, ссора между никем иным, как Тамашем Касашем и обвиняемым, произошла не случайно. Можно лишь догадываться, о чем они спорили и что на самом деле произошло между ними, как отметил суд в разделе V описательной части приговора. В своих свидетельских показаниях Иштван Балаж не исключает, что обвиняемый мог неправильно истолковать движение Тамаша Касаши, когда он опустил руку в карман, так как приказ открыть огонь был отдан сразу же после этого. Суд не сомневается, что Тамаш Касаш, должно быть, вел себя так, что страх обвиняемого усилился, в результате чего он почувствовал, что жизнь и здоровье его самого и его подчиненных находятся в этой ситуации в опасности. Суд считает, что обвиняемый отдал приказ открыть огонь в угрожающей, по его мнению, ситуации.

С другой стороны, обвиняемый должен был отдавать себе отчет в том, что оружие, которое было у него и у его подчиненных, давало им преимущество по отношению к находившимся во внутреннем дворе гражданским лицам и что спор между ними можно было разрешить и без применения оружия. Очевидно, что обвиняемый не принял эту возможность во внимание, так как угрожающая ситуация, в которой он оказался, снизила его способность действовать и рассуждать здраво».

43. 8 ноября 2001 г., при рассмотрении кассационной жалобы Верховный суд Венгрии, заседав в качестве суда кассационной инстанции, внес в приговор изменения, с учетом которых он вступил в силу в тот же день.

44. В части, имеющей отношение к настоящему делу, в решении Верховного суда Венгрии было сказано следующее:

«Во время рассмотрения дела по второй инстанции Верховный суд пришел к выводу, что суд первой инстанции провел слушания по делу с соблюдением уголовно-процессуальных норм, а его выводы относительно обстоятельств дела были сделаны путем оценки доказательств и по большей части обоснованны. Мотивировка приговора также отвечает установленным требованиям.

Значительная часть выводов суда относительно обстоятельств дела посвящена тому, что приказ открыть огонь отдал обвиняемый и что он начал стрелять сам, убив при этом одного из потерпевших. Этот вывод, который нельзя назвать необоснованным, имеет решающее значение для рассмотрения дела в суде второй инстанции.

Верховный суд вносит изменения в эти выводы, <...> исключая из них заявление, что обвиняемый “вероятно, неправильно истолковал движение Тамаша Касаша или находясь в состоянии страха или шока, решительно отдал приказ открыть огонь” <...>, считая его некорректным по следующим соображениям.

Подсудимый не объяснил, о чем он думал до того, как отдал приказ открыть огонь, отрицая, что он совершил преступление. Очевидно, суд первой инстанции, должно быть, пришел к указанному выводу, констатируя, что Тамаш Касаш “достал пистолет из внутреннего кармана своего пальто”. Этот вывод наводит на мысль, что обвиняемый истолковал (или — поскольку использовано слово “вероятно” — мог истолковать) движение Тамаша Касаша как нападение.

Тем не менее в выводах суда относительно обстоятельств дела указано также, что “Иштван Балаж попросил Тамаша Касаша сдать оружие, если оно у него есть. В этот момент обвиняемый наблюдал за Тамашем Касашем; они находились на расстоянии всего лишь нескольких метров друг от друга” <...>. Исходя из этого, есть все основания сделать вывод, что обвиняемый слышал эту просьбу. Поскольку ссора между обвиняемым и потерпевшим произошла сразу же после этого и потерпевший достал пистолет, правильный вывод относительно того, о чем думал обвиняемый, заключается в том, что он знал, что потерпевший хотел сдать оружие, а не воспользоваться им для нападения <...>».

45. Что касается квалификации действий заявителя, Верховный суд Венгрии, одолив ссылку суда первой инстанции на пункт 1 статьи 3 «Женевской конвенции» как на основание для вынесения обвинительного приговора, решил, что совершенное заявителем преступление против человечества заключалось в умышленном убийстве более одного человека [*több emberen elkövetett szándékos emberöléssel megvalósított emberiség elleni bűntett*]. Верховный суд пришел к выводу, что заявитель не несет ответственности за убийство снаружи полицейского управления, при совершении которого он выступал в роли подстрекателя. Тем не менее, рассмотрев ходатайство прокуратуры о назначении заявителю более сурового наказания, суд увеличил основной срок назначенного ему наказания до пяти лет лишения свободы. С учетом этих изменений у заявителя уже не было возможности освободиться от отбывания наказания; однако согласно законодательству об амнистии, имеющему отношение к делу, срок назначенного заявителю наказания подлежал уменьшению на одну восьмую.

Верховный суд Венгрии согласился с оценкой судом первой инстанции смягчающих обстоятельств, в том числе и чрезмерной длительности рассмотрения дела.

46. 14 июля 2002 г. военная коллегия Будапештского областного суда оставила без удовлетворения ходатайство заявителя о проведении нового судебного разбирательства по его делу. Впоследствии заявитель подал по этому поводу жалобу в Верховный суд Венгрии, но безуспешно. Заявитель возобновил свое ходатайство, но 16 июня 2004 г. оно вновь было оставлено без удовлетворения.

47. 22 сентября 2003 г. надзорная коллегия Верховного суда Венгрии объявила ходатайство заявителя о пересмотре приговора неприемлемым, не став рассматривать его по существу. По мнению коллегии, это ходатайство выходило за рамки предметной сферы действия [*ratione materiae*] соответствующих положений Уголовно-процессуального кодекса Венгрии, так как в нем оспаривались главным образом выводы суда относительно фактических обстоятельств дела.

48. Заявитель ходатайствовал о помиловании, но безу-

спешно. 24 марта 2003 г. он приступил к отбыванию назначенного ему наказания. 31 мая 2005 г. к нему было применено условное освобождение.

II. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ

А. Конвенция (IV) о защите гражданского населения во время войны (г. Женева, 12 августа 1949 г.)

Статья 3¹

«В случае вооруженного конфликта, не носящего международного характера и возникающего на территории одной из Высоких Договаривающихся Сторон, каждая из находящихся в конфликте сторон будет обязана применять, как минимум, следующие положения:

1) Лица, которые непосредственно не принимают участия в военных действиях, включая тех лиц из состава вооруженных сил, которые сложили оружие, а также тех, которые перестали принимать участие в военных действиях вследствие болезни, ранения, задержания или по любой другой причине, должны при всех обстоятельствах пользоваться гуманным обращением без всякой дискриминации по причинам расы, цвета кожи, религии или веры, пола, происхождения или имущественного положения или любых других аналогичных критериев.

С этой целью запрещаются и всегда и всюду будут запрещаться следующие действия в отношении вышеуказанных лиц:

a) посягательство на жизнь и физическую неприкосновенность, в частности, всякие виды убийства, увечья, жестокое обращение, пытки и истязания,

b) взятие заложников,

c) посягательство на человеческое достоинство, в частности, оскорбительное и унижающее обращение,

d) осуждение и применение наказания без предварительного судебного решения, вынесенного надлежащим образом учрежденным судом, при наличии судебных гарантий, признанных необходимыми цивилизованными нациями. <...>».

49. Женевские конвенции были инкорпорированы в венгерское законодательство Декрет-законом № 32 1954 года, но он не содержал текста Конвенций. Статья 3 Декрет-закона обязывала министра иностранных дел Венгрии осуществить опубликование официального перевода Женевских конвенций до их вступления в силу. В 1955 году издательство «Экономика и право» по поручению министра иностранных дел опубликовало брошюру с текстом Конвенций. Тем не менее этот текст был официально опубликован лишь 14 ноября 2000 г. в «Официальном бюллетене» № 2000/112.

В. Дополнительный протокол II к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера, принятый 8 июня 1977 г.

Статья 1 — Основная сфера применения

«1. Настоящий Протокол, развивающий и дополняющий статью 3, общую для Женевских конвенций от 12 августа 1949 года, не изменяя существующих условий ее приме-

¹ Эта статья в аналогичной формулировке является статьей 3 Конвенции (I) об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях; Конвенции (II) об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море; и Конвенции (III) об обращении с военнопленными. Все эти три Конвенции были приняты в г. Женеве 12 августа 1949 г.

нения, применяется ко всем вооруженным конфликтам, не подпадающим под действие статьи 1 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол 1), и происходящим на территории какой-либо Высокой Договаривающейся Стороны между ее вооруженными силами или другими организованными вооруженными группами, которые, находясь под ответственным командованием, осуществляют такой контроль над частью ее территории, который позволяет им осуществлять непрерывные и согласованные военные действия и применять настоящий Протокол.

2. Настоящий Протокол не применяется к случаям нарушения внутреннего порядка и возникновения обстановки внутренней напряженности, таким, как беспорядки, отдельные и спорадические акты насилия и иные акты аналогичного характера, поскольку таковые не являются вооруженными конфликтами.

50. Данный Протокол был инкорпорирован в венгерское законодательство Декретом-законом № 20 1989 года, а его перевод был опубликован 12 октября 1989 г.

С. Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, принятый 8 июня 1977 г.

Пункт 2 статьи 41

«2. Вышедшим из строя считается любое лицо, если оно: <...> б) ясно выражает намерение сдаться в плен; <...>».

Д. Комментарий к Дополнительному протоколу I, опубликованный Международным Комитетом Красного Креста (§ 1618—1619)

«Во время сухопутной войны сдача в плен не сопровождается строгими формальностями. По общему правилу, солдат, желающий показать, что он больше не в состоянии принимать участие в бою или хочет прекратить сражаться, бросает оружие и поднимает руки вверх <...>. Если сражающийся захвачен врасплох, он может поднять руки вверх, чтобы показать, что он сдается, даже если оружие еще при нем.

В этих различных ситуациях сдача в плен является безусловной. Это означает, что единственное право, на которое может претендовать сдающийся, — это право на то, чтобы с ним обращались как с военнопленным. Если намерение сдаться выражено абсолютно ясно, противник должен немедленно прекратить огонь; отказ принять безусловную сдачу в плен не допускается <...>».

Е. Обычное международное гуманитарное право

51. По мнению Международного Комитета Красного Креста (далее — МККК), правило, запрещающее нападать на лиц, вышедших из строя, стало нормой международного обычного права, применяющейся и к международным вооруженным конфликтам, и к вооруженным конфликтам немеждународного характера. МККК напоминает заинтересованным сторонам об их обязанности соблюдать это правило в ряде вооруженных конфликтов¹. Соответственно, в разделе, посвященном конкретным

методам ведения войны, исследование МККК по вопросам обычного международного гуманитарного права 2005 года предлагает принять следующую норму:

«Норма 47. Запрещается нападать на лиц, признанных вышедшими из строя. Вышедшим из строя является лицо, которое:

- а) находится во власти противной стороны;
 - б) не способно защищаться, потому что находится без сознания, потерпело кораблекрушение или из-за ранения или болезни;
 - в) ясно выражает намерение сдаться в плен;
- при условии, что это лицо воздерживается от враждебных действий и не пытается совершить побег»².

Ф. Устав Нюрнбергского международного военного трибунала (приложение к Лондонскому соглашению от 8 августа 1945 г.)

Пункт «с» статьи 6

«ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ, а именно: убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам в целях осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет».

Г. Устав Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии (1993 год)

Статья 5 — Преступления против человечности

«Международный трибунал полномочен осуществлять судебное преследование лиц, ответственных за следующие преступления, когда они совершаются в ходе вооруженного конфликта, будь то международного или внутреннего характера, и направлены против любого гражданского населения:

- а) убийства;
- б) истребление;
- с) порабощение;
- д) депортация;
- е) заключение в тюрьму;
- ф) пытки;
- г) изнасилования;
- h) преследование по политическим, расовым или религиозным мотивам;
- и) другие бесчеловечные акты».

Н. Устав Международного уголовного трибунала по Руанде (1994 год)

Статья 3 — Преступления против человечности

«Международный трибунал по Руанде полномочен осуществлять судебное преследование лиц, ответственных за следующие преступления, когда они совершаются в рам-

¹ См., например, конфликты в Родезии/Зимбабве в 1979 году, в Боснии и Герцеговине в 1992 году, в Руанде в 1994 году и в Афганистане в 2001 году.

² См. книгу: Jean-Marie Henckaerts, Louise Doswald-Beck (eds.). Customary International Humanitarian Law. ICRC, Cambridge (2005), T. I, p. 164—170.

Примечание редакции: в 2006 году эта книга вышла на русском языке. См.: Обычное международное гуманитарное право. Том I. Нормы / Под ред. Жан-Мари Хенкерте и Луизы Досвальд-Бек-М.: МККК, 2006. С. 213—218.

ках широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население по национальным, политическим, этническим, расовым или религиозным мотивам:

- a) убийство;
- b) истребление;
- c) порабощение;
- d) депортация;
- e) заключение в тюрьму;
- f) пытки;
- g) изнасилования;
- h) преследование по политическим, расовым или религиозным мотивам;
- i) другие бесчеловечные акты».

I. Римский статут Международного уголовного суда (1998 год)

Статья 7 — Преступления против человечности

«1. Для целей настоящего Статута “преступление против человечности” означает любое из следующих деяний, когда они совершаются в рамках широкомасштабного или систематического нападения на любых гражданских лиц, и если такое нападение совершается сознательно:

- a) убийство;
- b) истребление;
- c) порабощение;
- d) депортация или насильственное перемещение населения;
- e) заключение в тюрьму или другое жестокое лишение физической свободы в нарушение основополагающих норм международного права;
- f) пытки;
- g) изнасилование, обращение в сексуальное рабство, принуждение к проституции, принудительная беременность, принудительная стерилизация или любые другие формы сексуального насилия сопоставимой тяжести;
- h) преследование любой идентифицируемой группы или общности по политическим, расовым, национальным, этническим, культурным, религиозным, гендерным, как это определяется в пункте 3, или другим мотивам, которые повсеместно признаны недопустимыми согласно международному праву, в связи с любыми деяниями, указанными в данном пункте, или любыми преступлениями,падающими под юрисдикцию Суда;
- i) насильственное исчезновение людей;
- j) преступление апартеида;
- k) другие бесчеловечные деяния аналогичного характера, заключающиеся в умышленном причинении сильных страданий или серьезных телесных повреждений или серьезного ущерба психическому или физическому здоровью».

J. Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества (1968 год)

Статья 1

«Никакие сроки давности не применяются к следующим преступлениям, независимо от времени их совершения:

- a) военные преступления, как они определяются в Уста-

ве Нюрнбергского международного военного трибунала от 8 августа 1945 г. и подтверждаются резолюциями 3 (I) от 13 февраля 1946 г. и 95 (I) от 11 декабря 1946 г. Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, а также, в частности, “серьезные нарушения”, перечисленные в Женевских конвенциях о защите жертв войны от 12 августа 1949 г.;

b) преступления против человечества, независимо от того, были ли они совершены во время войны или в мирное время, как они определяются в Уставе Нюрнбергского международного военного трибунала от 8 августа 1945 г. и подтверждаются в резолюциях 3 (I) от 13 февраля 1946 г. и 95 (I) от 11 декабря 1946 г. Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, изгнание в результате вооруженного нападения или оккупации и бесчеловечные действия, являющиеся следствием политики апартеида, а также преступление геноцида, определяемое в Конвенции 1948 года о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, даже если эти действия не представляют собой нарушения внутреннего законодательства той страны, в которой они были совершены.

Статья 2

В случае совершения какого-либо из преступлений, упомянутых в статье 1, положения настоящей Конвенции применяются к представителям государственных властей и частным лицам, которые выступают в качестве исполнителей этих преступлений или соучастников таких преступлений, или непосредственно подстрекают других лиц к совершению таких преступлений, или участвуют в заговоре для их совершения, независимо от степени их завершенности, равно как и к представителям государственных властей, допускающим их совершение».

52. Эта конвенция была инкорпорирована в венгерское законодательство Декрет-законом № 1 1971 года, который вступил в силу 2 февраля 1971 г.

K. Конституция Венгерской Республики (Закон № 20 1949 года с последующими изменениями)

Часть 1 статьи 7

«Правовая система Венгерской Республики принимает общепринятые положения международного права, а также обеспечивает согласованность принятых требований международного права и права внутреннего».

L. Закон № 90 1993 года «О производстве по делам о некоторых преступлениях, совершенных во время восстания и революции 1956 года»

«С учетом решения Конституционного суда от 12 октября 1993 г. Парламент принимает Закон “О производстве по делам о некоторых преступлениях, совершенных во время восстания и революции 1956 года”, текст которого приведен ниже:

Статья 1

1) С учетом статьи 1 Конвенции ООН о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества от 26 ноября 1968 г. <...> (инкорпорированной в венгерское законодательство Декрет-законом № 1 1971 года), часть 2 статьи 33 Уголовного кодекса [перечисляющая случаи, в которых срок давности не применяется] применяется к сроку давности привлечения к уголовной ответ-

ственности за преступления, совершенные во время октябрьской революции 1956 года. Эти преступления определяются как серьезные нарушения

<...>

б) в статье 147 Женевской Конвенции о защите гражданского населения во время войны, принятой 12 августа 1949 г. [и инкорпорированной в венгерское законодательство Декрет-законом № 32 1954 года] на основании пункта 1 статьи 3 этой Конвенции.

2) Устанавливаются следующие санкции за совершение преступлений, перечисленных в части 1, с учетом статьи 2 Уголовного кодекса:

а) за умышленное убийство <...> — от пяти до пятнадцати лет лишения свободы <...>».

Этот закон был отменен Конституционным судом Венгрии 4 октября 1996 г.

М. Приказ № 20/1956 (Н.К.6.) VKF начальника Генерального штаба Вооруженных Сил Венгрии по вопросу об изучении Женевских конвенций 1949 года

53. Этот приказ был опубликован 5 сентября 1956 г. в «Военном бюллетене» и сопровождался кратким изложением текста конвенций. Он содержал следующий абзац:

«<...> начиная с 1956—1957 учебного года командующие объединениями и институтами следят за тем, чтобы военнослужащие изучали основные принципы Конвенций».

ВОПРОСЫ ПРАВА

1. ПО ВОПРОСУ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЬИ 7 КОНВЕНЦИИ

54. Заявитель жалуется в Европейский Суд на то, что он подвергся уголовному преследованию за совершение деяния, которое не являлось преступлением в момент его совершения. По его мнению, это привело к нарушению требований статьи 7 Конвенции, которая предусматривает следующее:

«1. Никто не может быть осужден за совершение какого-либо деяния или за бездействие, которое согласно действовавшему в момент его совершения национальному или международному праву не являлось уголовным преступлением. Не может также налагаться наказание более тяжкое, нежели то, которое подлежало применению в момент совершения уголовного преступления.

2. Настоящая статья не препятствует осуждению и наказанию любого лица за совершение какого-либо деяния или за бездействие, которое в момент его совершения являлось уголовным преступлением в соответствии с общими принципами права, признанными цивилизованными странами».

А. Доводы сторон, изложенные в их представлениях Европейскому Суду

1. Доводы заявителя

55. Говоря о соотношении статьи 3 Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны (статьи 3, общей для Женевских конвенций) и Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокола II),

заявитель подчеркивает, что, поскольку последний «развивает и дополняет» статью 3, они могут применяться только совместно. Если сфера применения Протокола II охватывалась бы сферой применения статьи 3, то этот Протокол оказался бы не нужен. В интересах обвиняемых должна быть обеспечена возможность придавать Протоколу II обратную силу, чтобы ограничивать сферу применения статьи 3 Женевских конвенций. Подобный подход не снижает степень защиты гражданского населения, так как истребление гражданского населения запрещено не только законами войны, но и еще несколькими международными конвенциями.

56. Тем не менее даже если предположить, что статья 3 Женевских конвенций применима к совершённому заявителем деянию с учетом комментариев к Женевским конвенциям, опубликованных Международным Комитетом Красного Креста, необходимо прийти к выводу, что ее сфера применения не является безграничной, а подлежит определенным ограничениям. Другими словами, она не может быть шире, чем сфера применения конвенций, которая предполагалась их составителями. Например, статья 3 Женевских конвенций не применяется к обычным мятежам или бандитизму; для того, чтобы она начала действовать, конфликт должен достигнуть определенной степени интенсивности. Вопрос о том, было ли это условие соблюдено в деле заявителя, должен был рассматриваться на основе экспертных заключений историков, которые Верховный суд Венгрии, к сожалению, проигнорировал.

57. Действительно, утверждает заявитель, комментарии к Женевским конвенциям предписывают толковать указанную статью настолько широко, насколько это возможно. Однако этот подход нельзя принимать безоговорочно, так как он предусматривается документом, который является не законом, а лишь рекомендацией государствам и служит целям Красного Креста, в частности, стремлению этой организации максимально расширить круг конфликтов, в рамках которых можно применять Женевские конвенции, допуская, таким образом, гуманитарное вмешательство со стороны Красного Креста. По мнению заявителя, этот подход — возможно, достойный поощрения в контексте гуманитарного права — нельзя считать применимым в сфере уголовной ответственности физических лиц, где расширенное толкование правовых норм не допускается.

58. Кроме того, согласно статье 7 Конституции Венгрии и практике Конституционного суда Венгрии, к военным преступлениям не применяется срок давности. Тем не менее это положение начало действовать в Венгрии лишь в 1989 году. Следовательно, в 1956 году к военным преступлениям и преступлениям против человечества все еще применялся срок давности. В любом случае, Женевские конвенции не регулируют вопрос о применении срока давности; этот принцип был установлен Нью-Йоркской конвенцией 1968 года, но эта конвенция не придает ему обратной силы. На момент совершения деяния, в котором обвинялся заявитель, ни национальное законодательство, ни международное право не препятствовало применению срока давности к преступлению, о котором идет речь по настоящему делу. Заявитель не мог предвидеть, что совершенное им деяние будет когда-либо квалифицировано как преступление против человечества и к нему не будет применяться срок давности.

59. Далее, говоря о том, что произошло во дворе Татского полицейского управления, заявитель утверждает, что даже если находившиеся там гражданские лица, которые охраняли полицейских, не были вооружены, их нельзя было считать «лицами, которые непосредственно не принимают участия в военных действиях», так как охранять захваченных в плен вражеских

комбатантов значило непосредственно принимать участие в военных действиях. Разоруженных полицейских заставили поверить в то, что у тех, кто их охранял, могло быть оружие, которым они воспользовались бы в случае сопротивления. У Тамаша Касаша действительно был пистолет, который он достал после ссоры; следовательно, его нельзя было считать не-комбатантом. Из-за действий Тамаша Касаша заявитель не мог быть уверен, что другие находившиеся там повстанцы, в том числе Янош Сенкар, который также был смертельно ранен, не прячут при себе оружие. Другими словами, заявителю был вынесен обвинительный приговор, поскольку потерпевшего ошибочно сочли некомбатантом, несмотря на то что он был вооружен. Вынесенный заявителю обвинительный приговор основывался на статье 3 Женевских конвенций, хотя были выполнены не все условия ее применения.

60. Наконец, по вопросу о доступности текста Женевских конвенций заявитель, ссылаясь на утверждение государства-ответчика о том, что он должен был знать содержание Женевских конвенций, так как они входили в учебные материалы, которые он использовал в ходе выполнения своих обязанностей офицера-инструктора, обращает внимание на то, что соответствующее указание начальника Генерального штаба появилось 5 сентября 1956 г., то есть менее чем за два месяца до событий, о которых идет речь по настоящему делу.

2. Доводы государства-ответчика

61. Прежде всего, государство-ответчик уточняет, что события, которые произошли в Венгрии в октябре 1956 г., представляли собой масштабный внутренний конфликт, а не просто нарушение общественного спокойствия или напряженную ситуацию, которая проявлялась в изолированных или единичных актах насилия, не являющихся вооруженным конфликтом в юридическом значении этого слова.

62. По вопросам доступности и предсказуемости государства-ответчик разделяет позицию, которую сформулировал судья Европейского Суда Зупанчич в своем совпадающем мнении, приложенном к постановлению Большой Палаты Суда по делу «Стрелец, Кесслер и Кренц против Германии» [*Streletz, Kessler and Krenz v. Germany*] (жалобы № 34044/96, 35532/97 и 44801/98, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2001-II):

«Мощные объективные гарантии материального уголовного права, закрепленные в принципе законности, нельзя сводить к субъективному праву заранее знать, какие деяния являются наказуемыми согласно позитивному праву <...>. Чрезмерно полагаться на субъективные критерии доступности и предсказуемости значило бы облегчить защиту заявителей, основанную на принципе законности <...>. Подобного рода довод, значит, ввел бы в обиход тактику защиты, основанную на простительной ошибке в вопросах права [*error juris*]».

По мнению государства-ответчика, допустить такую тактику защиты значило бы поставить под сомнение эффективность реализацию уголовного права и в особенности международного уголовного права, целью которого является защита от наиболее серьезных посягательств на основные ценности человечества и нормы которого, как правило, менее доступны многим людям, чем правила поведения, установленные на национальном уровне. Ограничительное толкование субъективных критериев доступности и предсказуемости свело бы на нет основания осуществления универсальной юрисдикции в отношении военных преступлений, геноцида и иных преступлений

против человечности и даже поставило бы под сомнение законность недавно созданного Международного уголовного суда. Однако международное сообщество установило презумпцию, в силу которой предполагается, что эти нормы известны всем, так как они защищают основные ценности человечества.

63. В том, что касается, в частности, доступности, государство-ответчик признает, что с точки зрения современных стандартов верховенства права Женевские конвенции были должным образом инкорпорированы в венгерское законодательство лишь после их опубликования в «Официальном бюллетене» в 2000 году. Однако их юридическая сила и их применимость как норм международного права не зависят от их статуса в национальном законодательстве. В любом случае, Декрет-закон № 32 1954 года, объявивший Женевские конвенции частью национально-го законодательства, обязал министра иностранных дел опубликовать перевод конвенций до их вступления в силу. Это произошло в 1955 году, когда конвенции стали общедоступными на венгерском языке. Кроме того, будучи старшим армейским офицером-инструктором, заявитель обязан был изучить содержание конвенций и включить их в свою программу обучения младших офицеров.

64. Кроме того, государство-ответчик ссылается на решение Конституционного суда Венгрии № 53/1993, в котором указано, что статья 3 Женевских конвенций представляет собой норму международного обычного права и что нарушающие ее деяния должны считаться преступлениями против человечества. Поэтому преступление, в совершении которого обвинялся заявитель, являлось преступлением по международному праву. Конституционный суд Венгрии пришел к выводу, что лишь международное право представляет собой достаточное основание для привлечения к ответственности за совершение такого рода деяний и что, если бы наказуемость военных преступлений и преступлений против человечества зависела от того, были соответствующие международно-правовые нормы инкорпорированы в национальное законодательство или нет, эти нормы перестали бы действовать.

65. Говоря о предсказуемости и о соотношении статьи 3 Женевских конвенций и Протокола II, государство-ответчик обращает внимание на то, что статья 3 считается «конвенцией в миниатюре» в рамках Женевских конвенций, так как она содержит основные правила человечности, которые должны соблюдаться во всех вооруженных конфликтах немеждународного характера. Протокол II, развивающий и дополняющий «основную норму», является дополнительным соглашением, направленным на установление более подробных норм и гарантий в отношении определенного вида внутренних вооруженных конфликтов, а именно ситуаций, когда повстанцы осуществляют контроль над территорией государства, и этот контроль дает им возможность и налагает на них обязанность соблюдать законы войны. Понятно, что в намерения составителей Протокола II не входило оставлять без защиты пострадавших во всех остальных видах внутренних вооруженных конфликтов. Кроме того, из формулировок Протокола и из комментариев к нему, опубликованных Международным Комитетом Красного Креста, очевидно следует, что Протокол II не изменяет сферу применения статьи 3. Несмотря на то, что венгерские суды не смогли найти ответ на вопрос о соотношении статьи 3 и Протокола II в практике международных судебных органов, они приняли во внимание вышеупомянутые комментарии. Поэтому Верховный суд Венгрии, придя к выводу, что Протокол II не имеет обратной силы и не ограничивает сферу применения статьи 3 Женевских конвенций, истолковал эту статью достаточно предсказуемо.

66. По поводу того, что венгерские суды сочли потерпевших некомбатантами, несмотря на то, что один из них был вооружен, государство-ответчик отмечает, что преступление, в совершении которого обвинялся заявитель, заключалось не в том, что он убил человека в гражданской одежде, у которого был пистолет, в случае чего отнесение убитого к категории гражданских лиц или комбатантов имело бы большое значение. Напротив, заявитель обвинялся в том, что он отдал своему отряду приказ открыть огонь по группе безоружных гражданских лиц, среди которых находился человек с пистолетом в кармане. В любом случае, всю группу нельзя было считать законной военной целью из-за того, что в ней присутствовал этот человек — которого на первый взгляд можно было бы принять за гражданское лицо, так как он не достал пистолет, а прятал его в кармане. Применяя положения международного гуманитарного права, венгерские суды имели в виду всю группу, а не вопрос о том, кем следует считать Тамаша Касаша — гражданским лицом или комбатантом.

67. Кроме того, свободу усмотрения венгерских судов в настоящем деле, по мнению государства-ответчика, следует рассматривать с точки зрения принципов толкования, закрепленных в статье 31 и статье 32 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года. Согласно этим принципам, договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора в их контексте. В международном праве в области прав человека является общепризнанным, что в случае сомнения предпочтение должно отдаваться такому толкованию, которое обеспечивает эффективную защиту прав личности (принцип *effet utile*). Этот подход нашел отражение в рассуждениях Верховного суда Венгрии, который истолковал совершенное заявителем преступление, определение которого содержится в международном гуманитарном праве, так, чтобы обеспечить эффективную защиту гражданского населения. Таким образом, Верховный суд Венгрии не вышел за рамки свободы усмотрения, определенные статьей 3 Женевских конвенций. Нельзя утверждать, что толкование сферы применения статьи 3 или отнесение потерпевшего к категории гражданских лиц были произвольными, поскольку статья 7 Конвенции не запрещает уточнять правила привлечения к уголовной ответственности путем их судебного толкования — при условии, что результат такого толкования достаточно предсказуем.

В. Оценка обстоятельств дела, данная Европейским Судом

1. По вопросу о приемлемости жалобы заявителя в данном ее пункте для дальнейшего рассмотрения по существу

68. Европейский Суд считает, что жалоба в данном ее пункте не является явно необоснованной по смыслу положений пункта 3 статьи 35 Конвенции. Далее, Суд отмечает, что жалоба в данном ее пункте не является неприемлемой для ее дальнейшего рассмотрения по существу ни по каким иным основаниям. Следовательно, жалоба в данном ее пункте должна быть объявлена приемлемой для дальнейшего рассмотрения по существу.

2. По существу дела

а. Общие принципы

69. Гарантии, предусмотренные статьей 7 Конвенции, являются неотъемлемым элементом верховенства права и занимают важнейшее место в конвенционной системе защиты прав человека. Подтверждением этого является тот факт, что, согласно статье 15 Конвенции, в случае

войны или при иных чрезвычайных обстоятельствах не допускается никаких отступлений от обязательств, вытекающих из этой статьи. Как следует из объекта и цели данной статьи, ее следует толковать и применять таким образом, чтобы дать эффективные гарантии, препятствующие произвольному уголовному преследованию лица, его осуждению и наказанию.

70. Соответственно, статья 7 Конвенции не ограничивается запретом придавать уголовно-правовым нормам обратную силу в ущерб интересам обвиняемого. Помимо этого, она содержит в себе более общий принцип, согласно которому лишь закон может определять состав преступления и устанавливать наказание за него [*nullum crimen, nulla poena sine lege*], а также принцип, запрещающий расширительно толковать уголовно-правовые нормы в ущерб обвиняемому, например, по аналогии. Из этих принципов следует, что национальное законодательство должно четко определять состав преступления. Данное условие выполняется, когда, исходя из формулировки соответствующей правовой нормы, человек может определить, прибегнув в случае необходимости к ее судебному толкованию или к консультации знающего юриста, за какие действия или какое бездействие он может быть привлечен к уголовной ответственности. Таким образом, Европейский Суд указал, что под «правом» в статье 7 Конвенции имеется в виду то самое понятие, которое используется во всех остальных статьях Конвенции и охватывает писаное право, равно как и судебную практику, предъявляя к нему качественные требования, в частности, требования доступности и предсказуемости.

71. Тем не менее, как бы четко ни были сформулированы правовые нормы, в том числе и нормы уголовного права, неизбежно присутствует элемент их судебного толкования. Всегда будет необходимо прояснять неясные моменты и адаптировать правовые нормы к меняющимся обстоятельствам. В самом деле, в государствах — участниках Конвенции прогрессивное развитие уголовного права посредством судебного нормотворчества общепризнанно и является необходимым элементом правовой традиции. При толковании статьи 7 Конвенции нельзя прийти к выводу, что она запрещает постепенное прояснение правил привлечения к уголовной ответственности посредством судебного толкования, осуществляемого в каждом конкретном деле, учитывая, что результат такого толкования соответствует характеру совершенного преступления и является достаточно предсказуемым (см. постановление Европейского Суда от 12 июля 2007 г. по делу «Йоргич против Германии» [*Jorgic v. Germany*] (жалоба № 74613/01), § 100—101; упомянутое выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Стрелец, Кесслер и Кренц против Германии», § 50; а также постановление Европейского Суда от 22 ноября 1995 г. по делу «S.W. против Соединенного Королевства» [*S.W. v. the United Kingdom*], серия «А», № 335-B, с. 41—42, § 34—36 и постановление Европейского Суда от 22 ноября 1995 г. по делу «C.R. против Соединенного Королевства» [*C.R. v. the United Kingdom*], серия «А», № 335-C, с. 68—69, § 32—34).

72. Кроме того, Европейский Суд вновь заявляет, что в принципе в его задачу не входит подменять позицию национальных судебных органов своей собственной точкой зрения. Разрешение проблем толкования национального законодательства входит в первую очередь в компетенцию национальных властей, в особенности судов. Это относится и к тем случаям, когда национальное законодательство ссылается на нормы общего международного права или международных соглашений. Роль Европейского Суда сводится к тому, чтобы установить, совместимы ли последствия такого толкования с требованиями Конвенции

(см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Уэйт и Кеннеди против Германии» [*Waite and Kennedy v. Germany*] (жалоба № 26083/94), § 54, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*ECHR*] 1999-I).

b. Применение изложенных выше принципов в настоящем деле

73. Принимая во внимание изложенные выше принципы, касающиеся объема его надзорных полномочий, Европейский Суд отмечает, что в его задачу не входит высказывать свое мнение о личной уголовной ответственности заявителя, поскольку оценка по этому вопросу должна производиться в первую очередь национальными судами. Скорее его задача заключается в том, чтобы ответить на вопрос, являлось ли с точки зрения пункта 1 статьи 7 Конвенции деяние заявителя на момент его совершения преступлением, состав которого был определен в национальном или в международном праве с достаточной степенью доступности и предсказуемости (см. упомянутое выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Стрелец, Кесслер и Кренц против Германии», § 51).

(i) По вопросу о доступности норм, определяющих состав совершенного заявителем преступления

74. Европейский Суд отмечает, что заявитель был осужден за убийство нескольких человек, и венгерские суды пришли к выводу, что это преступление представляет собой «преступление против человечества, являющееся наказуемым в силу пункта 1 статьи 3 Женевской конвенции». Следовательно, вынесенный заявителю обвинительный приговор основывался исключительно на нормах международного права. Поэтому Суд должен, прежде всего, рассмотреть вопрос о том, были ли Женевские конвенции доступны заявителю.

75. Женевские конвенции были инкорпорированы в венгерское законодательство Декрет-законом № 32 1954 года. Действительно, сам Декрет-закон не содержал текста Женевских конвенций, и статья 3 этого Декрет-закона обязывала министра иностранных дел Венгрии обеспечить опубликование официального перевода Женевских конвенций до их вступления в силу. Однако в 1955 году министр иностранных дел осуществил официальное опубликование брошюры с текстом конвенций. Следует также отметить, что 5 сентября 1956 г. в «Военном бюллетене» был опубликован приказ начальника Генерального штаба Вооруженных Сил Венгрии об изучении конвенций, к которому прилагался краткий обзор их содержания. В этих обстоятельствах Европейский Суд приходит к выводу, что Женевские конвенции были в достаточной степени доступны заявителю.

(ii) По вопросу о предсказуемости норм, определяющих состав совершенного заявителем преступления

76. Для того чтобы определить, были в настоящем деле выполнены требования статьи 7 Конвенции или нет, Европейский Суд должен установить, можно ли было предвидеть, что деяние, за совершение которого заявителю был вынесен обвинительный приговор, будет квалифицировано как преступление против человечества. По этому поводу Суд отмечает, что заявитель был осужден в уголовном порядке за убийство нескольких человек, являющееся преступлением против человечества, и ему было назначено наказание в виде лишения свободы на срок пять лет (см. выше, пункты 37, 38, 45 и 75 настоящего постановления). При вынесении заявителю приговора венгерские суды основывались главным образом на статье 3 Женевских конвенций, которая, с точки зрения Конституционного суда Венгрии, квалифицирует предусмотренные в ней

деяния как «преступления против человечества». По мнению венгерских судов, подобного рода преступления «являются наказуемыми независимо от того, были ли их совершении нарушены положения национального законодательства или нет». Таким образом, не имеет значения, были ли Женевские конвенции должным образом инкорпорированы в венгерское законодательство и выполнила ли Венгрия свое обязательство обеспечить их действие до <...> 23 октября 1956 г. Независимо от этого ответственность лиц, совершивших указанные преступления, предусмотрена международным правом» (см. выше, пункт 18 настоящего постановления). Поэтому венгерские суды пришли к выводу, что к преступлению, о котором идет речь по настоящему делу, срок давности не применяется.

77. Таким образом, Европейский Суд рассмотрит (1) вопрос о том могло ли указанное деяние квалифицироваться как «преступление против человечества» в том смысле, в каком этот термин понимался в 1956 году, и (2) вопрос о том, можно ли было с достаточными основаниями утверждать, что Тамаш Касаш (см. выше, пункт 11 и следующие за ним пункты настоящего постановления) в то время являлся лицом, который «непосредственно не принимал участия в военных действиях» по смыслу положений статьи 3 Женевских конвенций.

a. Значение термина «преступления против человечества» в 1956 году

78. Поэтому Европейский Суд должен удостовериться, что деяние, за которое был в уголовном порядке осужден заявитель, могло на момент его совершения являться преступлением против человечества по международному праву. Суду известно, что в его задачи не входит пытаться официально установить значение термина «преступления против человечества» по состоянию на 1956 год. Тем не менее Суд должен рассмотреть вопрос о том, имелись ли, с учетом состояния международного права по данному вопросу на тот момент, достаточно четкие основания для признания заявителя виновным в совершении этого преступления (см., *mutatis mutandis*¹, решение Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бехрами и Бехрами против Франции» [*Behrami and Behrami v. France*] (жалоба № 71412/01), а также решение Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сарамати против Франции, Германии и Норвегии» [*Saramati v. France, Germany and Norway*] (дела, объединённые в одно производство), § 122, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*ECHR*] 2007 — ...).

79. Европейский Суд отмечает, что, с точки зрения Конституционного суда Венгрии, «деяния, определение которых содержится в статье 3 Женевских конвенций, являются преступлениями против человечества». По мнению Конституционного суда, указанная статья содержит «минимальные требования, которые обязаны соблюдать все воюющие стороны всегда и всюду».

Кроме того, позиция Конституционного суда Венгрии основывалась на решении Международного Суда ООН по делу «Никарагуа против Соединенных Штатов Америки», а также на отсылке к статье 3 Женевских конвенций в докладе Генерального Секретаря ООН об Уставе Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии (см. выше, пункт 18 настоящего постановления). Европейский Суд, однако, отмечает, что эти юридические доводы, по замыслу венгерских судов, рассматривавших дело в отношении заявителя, должны были подкрепить вывод о том, что деяние, в совершении которого он обвинялся, является «преступлением против человечества по смыслу положений статьи 3 Женевских конвенций».

80. Помимо этого, следует отметить: ни в одном из источников, на которые ссылался Конституционный суд Венгрии, не утверждается, что какое-либо деяние из тех, что перечислены

¹ Mutatis mutandis (лат.) — с соответствующими изменениями (примечание редакции).

в статье 3 Женевских конвенций, является, как таковое, преступлением против человечества. Тем не менее, даже если в них и можно обнаружить некоторые указания на это, ни Конституционный суд Венгрии, ни суды, рассматривавшие уголовное дело в отношении заявителей, по-видимому, не попытались рассмотреть их применимость к правовой ситуации, существовавшей в 1956 году. Вместо этого суды по уголовным делам сосредоточились на вопросе о том, как следует применять статью 3 Женевских конвенций — саму по себе или во взаимосвязи с Протоколом II. Однако эта проблема касается всего лишь определения категорий лиц, находящихся под защитой статьи 3 Женевских конвенций и (или) Протокола II, а также вопроса о том, принадлежал ли застреленный заявителем человек к одной из этих категорий; она не имеет никакого отношения к вопросу о том, следует ли считать, что деяния, запрещенные статьей 3 Женевских конвенций, сами по себе являются преступлениями против человечества.

81. По этому последнему вопросу Европейский Суд отмечает, что четыре основных определения преступлений против человечества содержатся в пункте «с» статьи 6 Устава Нюрнбергского международного военного трибунала, приложенного к Лондонскому соглашению от 8 августа 1945 г., в статье 5 Устава Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии 1993 года, в статье 3 Устава Международного уголовного трибунала по Руанде 1994 года и в статье 7 Статута Международного уголовного суда 1998 года (см. выше, пункт 51 настоящего постановления). Во всех этих документах допускается, что убийство может являться преступлением против человечества. Таким образом, убийство по смыслу положений подпункта «а» пункта 1 статьи 3 Женевских конвенций могло служить основанием для вынесения обвинительного приговора за преступления против человечества, совершенные в 1956 году. Однако для такой квалификации совершенного заявителем деяния требуется наличие и других признаков состава преступления против человечества.

82. Необходимые дополнительные признаки вытекают не из статьи 3 Женевских конвенций, а из существовавших в то время международно-правовых элементов понятия преступлений против человечества. В пункте «с» статьи 6 Устава Нюрнбергского международного военного трибунала, который впервые использовал это понятие и действовал по состоянию на 1956 год, о преступлениях против человечества говорится в связи с войной. Кроме того, по мнению некоторых ученых, необходимым элементом такого рода преступления является дискриминация и «преследование» какой-либо конкретной группы лиц, причем последнее из этих понятий предполагает в той или иной форме деятельность государства или государственную политику (см. книгу: Bassiouni. *Crimes Against Humanity in International Criminal Law*. Kluwer Law International 1999, p. 256). По мнению Европейского Суда, один из этих критериев — связь с вооруженным конфликтом или зависимость от него — уже утратил свое значение к 1956 году (см. статью: Schwelb. «Crimes against Humanity». *British Yearbook of International Law*. Vol. 23, 1946, p. 211; статью: Graven. «Les crimes contre l'humanité». 76 *Recueil des Cours de La Haye* (1950), Académie de droit international, p. 467; а также проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, Ежегодник Комиссии международного права [*Yearbook of the International Law Commission*], 1954, т. I, с. 151).

83. Однако, по-видимому, все еще имели значение другие признаки, в частности, требование, согласно которому преступления против человечества должны представлять собой не изолированное или единичное деяние, а являться частью «деятельности государства или государственной политики» либо совершаться в рамках широкомасштабного и систематического нападения на гражданское население (см. книгу: Berry, Keenan,

Brown. *Crimes against international law*. Washington, DC, Public Affairs Press, 1950, p. 113—122).

84. Европейский Суд отмечает, что венгерские суды ограничились рассмотрением вопроса о том, находились ли Тамаш Касаш и Янош Сенкар под защитой статьи 3 Женевских конвенций, не установив, отвечало ли убийство этих двух повстанцев дополнительным критериям, необходимым для того, чтобы квалифицировать его как преступление против человечества, в частности, было ли оно совершено в рамках широкомасштабного и систематического нападения на гражданское население. Действительно, надзорная коллегия Верховного суда Венгрии сочла общеизвестным, что «центральный диктаторский режим использовал вооруженные силы против безоружного населения, принимавшего участие в мирных демонстрациях, и против вооруженных отрядов повстанцев, формирование которых еще не было завершено <...>. Практически этот режим развязал войну против подавляющего большинства населения» (см. выше, пункт 34 настоящего постановления). Тем не менее Верховный суд Венгрии не задался вопросом, можно ли считать совершенное заявителем конкретное деяние частью этой государственной политики, в силу чего оно охватывалось бы понятием «преступление против человечества» в том смысле, в каком оно понималось в 1956 году.

85. По мнению Европейского Суда, в этих обстоятельствах неясно, присутствуют ли в настоящем деле признаки состава преступления против человечества.

β. Являлся ли Тамаш Касаш лицом, «которое непосредственно не принимало участия в военных действиях», по смыслу положений статьи 3 Женевских конвенций в соответствии с общепризнанными принципами международного права?

86. По этому вопросу Европейский Суд напоминает, что в основу вынесенного заявителю обвинительного приговора был положен вывод о том, что Тамаш Касаш для целей статьи 3 Женевских конвенций являлся некомбатантом (см. выше, пункт 48 настоящего постановления).

87. При применении статьи 3 Женевских конвенций к делу заявителя у венгерских судов возникли разногласия по поводу влияния, которое на нее оказывает Протокол II. Так, в решении Будапештского столичного суда от 7 мая 1998 г. и в решении кассационной коллегии Верховного суда Венгрии от 5 ноября 1998 г. был сделан вывод, что статью 3 Женевских конвенций и статью 1 Протокола II следует толковать совместно. В решении же надзорной коллегии Верховного суда Венгрии от 28 июня 1999 г. и в последующих решениях нашел отражение другой подход, согласно которому Протокол II не имеет обратной силы и не ограничивает первоначальной сферы применения статьи 3 Женевских конвенций. Поэтому любое гражданское лицо, принимающее участие в вооруженном конфликте немеждународного характера, независимо от степени интенсивности этого конфликта и уровня организованности повстанцев, находится под защитой статьи 3 Женевских конвенций. Европейский Суд будет исходить из того, что приведенное выше толкование, осуществленное Верховным судом Венгрии, является правильным с точки зрения международного права (см. статью: Bothe. «Conflits armés internes et droit international humanitaire». *Revue générale de droit international public*, 1978, p. 90; комментарий к Дополнительным протоколам к Женевским конвенциям: Pilloud et al. *Commentary on the Additional Protocols of 8 June 1977 to the Geneva Conventions of 12 August 1949*. ICRC, Martinus Nijhoff Publishers, Geneva 1986, § 4424—4426; а также решение Первой Палаты Международного уголовного трибунала по Руанде от 2 сентября 1998 г. по делу «Прокурор против Жан-Поля Акайесу» [*Prosecutor v. Jean-Paul Akayesu*], § 607).

88. При рассмотрении дела в Европейском Суде заявитель выразил сомнение в том, что Тамаш Касаш на-

ходится под защитой статьи 3 Женевских конвенций, поскольку она распространяется на лиц, «которые непосредственно не принимают участия в военных действиях, включая тех лиц из состава вооруженных сил, которые сложили оружие, а также тех, которые перестали принимать участие в военных действиях вследствие болезни, ранения, задержания или по любой другой причине». Он утверждает, что Тамаш Касааш нельзя было считать некомбатантом, поскольку у него был пистолет (см. выше, пункт 59 настоящего постановления).

89. Прежде всего, Европейский Суд отмечает: венгерские суды установили, что Тамаш Касааш возглавлял вооруженный отряд повстанцев, которые захватили здание полицейского управления и забрали у полицейских оружие, совершив до этого иные насильственные действия. В этих обстоятельствах следует констатировать, что он «непосредственно принимал участие в военных действиях» (см. выше, пункт 42 настоящего постановления).

90. Таким образом, возникает вопрос, действительно ли Тамаш Касааш, член вооруженных сил повстанцев, «сложил оружие» и, таким образом, перестал принимать участие в военных действиях. В связи с этим Европейский Суд придает ключевое значение выводу венгерских судов о том, что Тамаш Касааш тайно носил пистолет и не сообщил об этом заявителю, встретившись с ним. Нельзя сказать, что он ясно выразил намерение сдаться в плен, когда обнаружилось, что он вооружен. Суд отмечает, что среди специалистов в области международного права широко распространена точка зрения, согласно которой в обстоятельствах, аналогичных тем, которые сложились в настоящем деле, любое намерение сдаться в плен должно быть выражено ясно и недвусмысленно: сдающийся должен бросить оружие и поднять руки вверх или, как минимум, только поднять руки вверх. Только в этом случае его намерение сдаться в плен будет иметь юридические последствия, в частности, сдающийся окажется под защитой статьи 3 Женевских конвенций (сравните, например, с Комментариями к Дополнительному протоколу I к Женевским конвенциям, опубликованными Международным Комитетом Красного Креста, — см. выше, пункт 50 настоящего постановления; норму 47, предложенную в исследовании МККК по вопросам обычного международного гуманитарного права 2005 года, — см. выше, пункт 51 настоящего постановления; а также доклад Генерального Секретаря ООН «Об уважении прав человека в вооруженных конфликтах» от 18 сентября 1970 г., Сборник документов ООН [UN Doc. A8052], § 107). Суд считает разумным предположить, что эти же принципы действовали и в 1956 году.

91. Тем не менее никакие элементы установленных венгерскими судами обстоятельств дела не могут привести к выводу, что Тамаш Касааш выразил подобным образом намерение сдаться в плен. Вместо этого он затеял бурную ссору с заявителем, в конце которой выхватил пистолет; при этом было неясно, какие он имел намерения. Именно в этот момент он и был застрелен. В этих обстоятельствах Европейский Суд не убежден, что с учетом общепризнанных принципов международного права, которые действовали в то время, можно было считать, что Тамаш Касааш сложил оружие по смыслу положений статьи 3 Женевских конвенций.

92. Европейский Суд не упускает из виду, что, по утверждению государства-ответчика, вынесенный заявителю обвинительный приговор основывался не только на том, что он застрелил Тамаша Касааша, но и на том, что он стрелял в группу гражданских лиц сам и отдал приказ открыть по ним огонь другим, в результате чего несколько человек погибло и несколько человек было ранено (см. выше, пункт 66 настоящего постановления).

93. Тем не менее Европейский Суд отмечает, что венгерские суды не рассмотрели отдельно вопрос о виновности заявителя в смерти другого человека, Яноша Сенкара; скорее, они сосредоточили свое внимание на ссоре заявителя с Тамашем Касаашем. Кроме того, венгерские суды расценили ранения, полученные Иштваном Балажем и Сандором Фазингом, не как составной элемент состава преступления, а как обычное отягчающее обстоятельство (см. выше, пункт 40 настоящего постановления). В этих обстоятельствах нельзя согласиться с доводом государства-ответчика, согласно которому основанием для вынесения заявителю обвинительного приговора стала в первую очередь не его реакция на то, что Тамаш Касааш достал пистолет, а то, что он стрелял в группу гражданских лиц сам и приказал это сделать другим.

94. Поэтому Европейский Суд полагает, что Тамаш Касааш не принадлежал ни к одной из категорий некомбатантов, которые находятся под защитой статьи 3 Женевских конвенций. Следовательно, в данном случае это положение с точки зрения действовавших в то время международно-правовых норм, которые имеют отношение к данному вопросу, не могло служить достаточным основанием для вынесения обвинительного приговора за преступления против человечества.

с. Вывод

95. С учетом всех обстоятельств дела Европейский Суд приходит к следующему выводу: по делу не была показана возможность предвидеть, что действия заявителя образуют состав преступления против человечества согласно международному праву. Вследствие этого по делу властями государства-ответчика было допущено нарушение требований статьи 7 Конвенции.

II. ПО ВОПРОСУ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ В СВЯЗИ С НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬЮ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПО ДЕЛУ ЗАЯВИТЕЛЯ

96. Также заявитель, в общих чертах, жалуется в Европейский Суд на то, что вынесенный ему обвинительный приговор основывался на политических соображениях и, как таковой, был несправедливым, нарушая требования пункта 1 статьи 6 Конвенции. В части, имеющей отношение к настоящему делу, это положение Конвенции предусматривает следующее:

«Каждый <...> при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое <...> разбирательство дела в разумный срок <...> судом <...>».

97. Государство-ответчик утверждает, что венгерские суды надлежащим образом обосновали обвинительный приговор, вынесенный заявителю за преступления против человечности. Заявитель не разделяет эту точку зрения.

98. Европейский Суд считает, что в данном пункте жалоба также является приемлемой для дальнейшего рассмотрения по существу. Тем не менее с учетом вывода о том, что по делу имело место нарушение требований статьи 7 Конвенции (см. выше, пункт 95 настоящего постановления), Суд приходит к заключению, что в обстоятельствах настоящего дела нет необходимости рассматривать жалобу заявителя на предполагаемое нарушение требований пункта 1 статьи 6 Конвенции (по вопросу о справедливости судебного разбирательства).

III. ПО ВОПРОСУ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ В СВЯЗИ С ЧРЕЗМЕРНОЙ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬЮ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛУ ЗАЯВИТЕЛЯ

99. Наконец, заявитель жалуется в Европейский Суд на то, что производство по возбужденному в отношении него уголовному делу, в нарушение требований пункта 1 статьи 6 Конвенции, продолжалось неоправданно долго.

100. Государство-ответчик утверждает, что власти Венгрии действовали с должным тщанием, учитывая, что дело было достаточно сложным. В любом случае, Будапештский столичный суд расценил затянутость производства по делу как смягчающее обстоятельство, и с этим выводом согласился Верховный суд Венгрии (см. выше, пункт 40 и пункт 45 настоящего постановления). Поэтому заявитель, по мнению государства-ответчика, уже получил достаточную компенсацию и не может в этом отношении претендовать на статус жертвы нарушения своих конвенционных прав. Заявитель не согласен с этими доводами.

101. Европейский Суд считает необязательным рассматривать вопрос, обладал ли заявитель статусом жертвы нарушения этого права, так как его жалоба в данной ее части в любом случае является необоснованной по следующим соображениям. Суд отмечает, что производство по уголовному делу в отношении заявителя началось 20 апреля 1994 г. и закончилось 22 сентября 2003 г. Таким образом, период времени, который следует принять во внимание, составляет около девяти лет и пяти месяцев. Суд вновь заявляет, что вопрос о разумности продолжительности производства по делу должен решаться в свете обстоятельств этого дела и с учетом следующих критериев: сложность дела, действия заявителя и действия соответствующих органов власти (см., в числе многих других источников, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Пелисье и Сасси против Франции» [*Pélissier and Sassi v. France*] (жалоба № 25444/94), § 67, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*ECHR*] 1999-II).

102. Европейский Суд отмечает, что кассационная жалоба заявителя была отклонена без рассмотрения по существу как неприемлемая и несовместимая с предметной сферой действия [*ratione materiae*] соответствующих положений Уголовно-процессуального кодекса Венгрии, поскольку в ней оспаривались главным образом выводы суда относительно обстоятельств дела. Ввиду того, что последующее производство по этой жалобе не имело смысла, задержка в рассмотрении дела продолжительностью в один год и десять месяцев (с 8 ноября 2001 г. по 22 сентября 2003 г.) целиком лежит на совести заявителя. На протяжении оставшихся стадий производства по уголовному делу, которые заняли семь лет и семь месяцев, дело первоначально рассматривалось судом первой инстанции, после чего Конституционный суд Венгрии рассматривал вопрос о конституционности соответствующих правовых норм. Это задержало рассмотрение дела всего лишь на девять месяцев.

103. Впоследствии дело было возвращено в суд первой инстанции, а потом оно рассматривалось судами трех различных инстанций. В это время по делу было проведено несколько судебных заседаний и получено заключение эксперта — специалиста по военной истории. Вступившее в силу судебное решение было отменено в порядке надзора, и дело вновь было направлено в суд первой инстанции. Вступившим в силу решением от 8 ноября 2001 г. в приговор суда первой инстанции были внесены изменения.

104. По мнению Европейского Суда, неоднократное рассмотрение дела судами различных инстанций было вызвано главным образом сложностью юридических проблем, которые оно поднимает, а также неизбежными сложностями, с которыми столкнулись венгерские суды при установлении обстоятельств дела более чем через 40 лет после событий, о которых идет речь по настоящему делу. Учитывая, что ни один существенный период бездействия в рассмотрении дела не произошел по вине властей, Суд приходит к выводу, что общая продолжительность производства по делу не вышла за рамки разумного срока по смыслу положений пункта 1 статьи 6 Конвенции.

105. Следовательно, жалоба заявителя в данной ее части является явно необоснованной по смыслу положений пункта 3 статьи 35 Конвенции и должна быть отклонена согласно пункту 4 статьи 35 Конвенции.

IV. В ПОРЯДКЕ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

106. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Вопрос о причиненном заявителю ущербе

107. Заявитель не выдвигал требований о возмещении причиненного ему ущерба.

108. В этих обстоятельствах Европейский Суд не присуждает ему никакой суммы в этом отношении.

B. Вопрос о понесенных заявителем судебных издержках и расходах

109. Заявитель утверждал, что сумма, полученная его представителями от Совета Европы в качестве компенсации расходов на оказание юридической помощи, — в общей сложности 3 тысячи 716 евро 6 центов — покрывает все его требования о компенсации судебных издержек и расходов.

110. Государство-ответчик никак не прокомментировало это заявление.

111. В этих обстоятельствах Европейский Суд полагает, что требования заявителя о возмещении судебных издержек и расходов удовлетворены.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД

1. объявил приемлемыми для дальнейшего рассмотрения по существу пункты жалобы заявителя на предполагаемые нарушения статьи 7 Конвенции и пункта 1 статьи 6 Конвенции (по вопросу о справедливости судебного разбирательства) и отклонил остальные пункты жалобы заявителя как неприемлемые для дальнейшего рассмотрения по существу (принято единогласно);

2. постановил, что по делу властями государства-ответчика было допущено нарушение требований статьи 7 Конвенции (принято одиннадцатью голосами «за» и шестью голосами «против»);

3. постановил, что нет необходимости отдельно рассматривать жалобу заявителя в части, касающейся предположительной несправедливости судебного разбирательства по его делу (пункт 1 статьи 6 Конвенции) (принято двенадцатью голосами «за» и пятью голосами «против»);

Совершено на английском и на французском языке и оглашено в открытом заседании по делу во Дворце прав человека, г. Страсбург, 19 сентября 2008 г.

Майкл О'Бойл,
заместитель Секретаря-
Канцлера Европейского
Суда

Жан-Поль Коста,
Председатель
Большой Палаты
Европейского Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Европейского Суда к настоящему постановлению прилагаются следующие особые мнения судей:

(а) совместное особое мнение судей П. Лоренсена, Ф. Тюлькенс, В. Загребельского, Е. Фура-Сандстрём и Д. Поповича;

(b) особое мнение судьи Л. Лукаидеса.

СОВМЕСТНОЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ П. ЛОРЕНСЕНА, Ф. ТЮЛЬКЕНС, В. ЗАГРЕБЕЛЬСКОГО, Э. ФУРА-САНДСТРЁМ И Д. ПОПОВИЧА (в переводе)¹

Мы не разделяем ни ход рассуждений, ни выводы большинства судей Европейского Суда относительно того, что в настоящем деле было допущено нарушение требований статьи 7 Конвенции.

1. Вначале Европейский Суд стал рассматривать вопрос о том, могло ли деяние, за совершение которого заявителю был вынесен обвинительный приговор, считаться преступлением против человечества в том смысле, в каком этот термин понимался в 1956 году (см. пункт 77 постановления). В связи с этим Суд правильно отмечает, что определение категорий лиц, находящихся под защитой статьи 3 Женевских конвенций и (или) Протокола II к Женевским конвенциям, а также вопрос о том, относился ли застреленный заявителем человек к одной из этих категорий, не имеют отношения к вопросу о том, должны ли деяния, запрещенные статьей 3 Женевских конвенций, сами по себе считаться преступлениями против человечества (см. пункт 80 постановления). Сославшись на четыре основных определения преступлений против человечества (содержащиеся в пункте «с» статьи 6 Нюрнбергского международного военного трибунала, приложенного к Лондонскому соглашению от 8 августа 1945 г., в статье 5 Устава Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии 1993 года, в статье 3 Устава Международного уголовного трибунала по Руанде 1994 года и в статье 7 Статута Международного уголовного суда 1998 года), Суд приходит к выводу, что убийство по смыслу положений подпункта «а» пункта 1 статьи 3 Женевских конвенций могло служить основанием для вынесения обвинительного приговора за преступления против человечества. Тем не менее Суд полагает, что «для такой квалификации совершенного заявителем деяния требуется наличие и других признаков преступления против человечества» (см. пункт 81 постановления), а именно признаков, предусмотренных международным правом.

Последовательно упоминая дискриминацию или преследование конкретной группы лиц, а также связь с вооруженным конфликтом или зависимость от него — признаки, которые были постулированы учеными-юристами, но по большей части не обсуждались², — Европейский Суд приходит к выводу, что в настоящем деле более уместно говорить о таком признаке состава преступлений против человечества, как то, что они «являются частью “деятельности государства или государственной политики” или совершаются в рамках широкомасштабного и систематического нападения на гражданское население» (см. пункт 83 постановления). По этому вопросу, на наш взгляд, некорректно утверждать, как это делается в постановлении, что венгерские суды не рассмотрели вопрос о том, имело ли место в 1956 году широкомасштабное и систематическое нападение на гражданское население, так как надзорная коллегия Верховного суда Венгрии сочла общеизвестным, что центральный диктаторский режим использовал вооруженные силы

против населения, принимавшего участие в мирных демонстрациях, и против вооруженных отрядов повстанцев, формирование которых еще не было завершено» (см. пункт 84 постановления). Что касается довода о том, что Верховный суд Венгрии якобы «не рассмотрел вопрос о том, должно ли считаться конкретное деяние, совершенное заявителем, частью государственной политики», это просто-напросто противоречит доказательствам, содержащимся в материалах дела, и историческим данным о событиях, которые произошли в г. Тата 26 октября 1956 г.

Как бы то ни было, сдержанность или осторожность этого вывода постановления оставляет открытым изначально возникший вопрос о том, действительно ли деяние, за совершение которого заявителю был вынесен обвинительный приговор, являлось преступлением против человечности. Практически Европейский Суд считает «неясным, присутствовали в настоящем деле признаки состава преступления против человечества или нет» (см. пункт 85 постановления), а значит, не может на этом основании установить факт нарушения требований статьи 7 Конвенции.

2. Таким образом, ход рассуждений большинства судей и выдвинутые им доводы относятся главным образом ко второму вопросу: мог ли Тамаш Касаш считаться лицом, которое непосредственно не принимало участия в военных действиях, по смыслу положений статьи 3 Женевских конвенций? Точнее, действительно ли он, член вооруженных сил повстанцев, «сложил оружие»? Ответ на этот вопрос требует интерпретации действий потерпевшего во время ссоры и стрельбы в здании Татского полицейского управления, где находились повстанцы 26 октября 1956 г. В данном деле Суд приходит к выводу, что «никакие элементы установленных венгерскими судами обстоятельств дела не могут привести к выводу, что Тамаш Касаш выразил подобным образом намерение сдаться в плен» (см. пункт 91 постановления). Поэтому Суд полагает, что он не принадлежал ни к одной из категорий некомбатантов, подлежащих защите согласно статье 3 Женевских конвенций, и что в данном случае это положение не могло служить достаточным основанием для вынесения обвинительного приговора за преступления против человечества (см. пункт 94 постановления).

Перечисляя общие принципы, Европейский Суд в постановлении по настоящему делу вновь заявляет, что обычно в его задачу не входит подменять позицию национальных судебных органов своей собственной точкой зрения и что разрешение проблем толкования национального законодательства относится в первую очередь к компетенции национальных властей, в особенности судов. Как правильно отмечает Суд, его роль сводится к тому, чтобы установить, совместимы ли последствия такого толкования с требованиями Конвенции (см. пункт 72 постановления). Тем не менее большинство судей Суда пошло в другом направлении: руководствуясь неопределенными и неубедительными основаниями, оно без всяких объяснений попросту подменило свои собственные выводы относительно обстоятельств дела соответствующими выводами венгерских судебных органов.

¹ Имеется в виду, что мнение в оригинале было составлено не на английском языке; в данном случае оно было составлено на французском языке (примечание редакции).

² Согласно одному подходу, преследование является необходимым признаком лишь подгруппы «актов преследования» (решение Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии от 14 января 2000 г. по делу «Прокурор против Купрескича и других обвиняемых» [*Prosecutor v. Kupreskic et al.*], IT-95-16, § 616–627). Согласно другой точке зрения, преступления против человечества могут совершаться даже в мирное время (решение Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии от 2 октября 1995 г. по делу «Прокурор против Тадича» [*Prosecutor v. Tadic*] (принято по ходатайству защиты о предварительной апелляции в отношении юрисдикции), IT-94-1, § 141). Кроме того, некоторые ученые утверждают, что в начале 1950-х годов международное обычное право уже содержало понятие преступлений против человечества, не требуя их связи с внутренним или с международным вооруженным конфликтом (См. книгу: A. Cassese. *International Criminal Law*. Oxford University Press, Oxford, 2nd ed., 2008, p. 101–109).

Учитывая, что установить обстоятельства дела более чем через пятьдесят лет после событий, о которых идет речь по настоящему делу, задача достаточно сложная, мы не видим оснований доверять выводам Европейского Суда больше, чем выводам венгерских судов. Напротив, мы считаем, что положение, в котором находились венгерские суды, позволило им лучше оценить все имеющиеся в их распоряжении факты и доказательства.

Конечно, решения венгерских судов могли оставить без ответа некоторые вопросы, касающиеся действий потерпевшего и их интерпретации заявителем. Однако предположение о недостаточной обоснованности решения Верховного суда Венгрии могло бы в обстоятельствах настоящего дела дать повод говорить о возможном нарушении требований статьи 6, но не статьи 7 Конвенции.

Вот основные соображения, которые привели нас к выводу, что в настоящем деле требования статьи 7 Конвенции нарушены не были.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ Л. ЛУКАИДЕСА

Я не могу согласиться с выводами большинства судей Европейского Суда по данному делу.

Я согласен с подходом большинства судей к понятию преступлений против человечества. Тем не менее я считаю полезным высказать следующие мысли по этому поводу. Устав Нюрнбергского международного военного трибунала включает в определение понятия «преступления против человечества» «убийства <...>, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны <...>». Этот Устав применялся в ходе Нюрнбергских процессов, когда ряд физических лиц был привлечен к уголовной ответственности за совершение «преступлений против человечества». Однако эти преступления были связаны с ведением войны. В то время не было ясно установлено, что такого рода преступления являются элементом международного обычного права, особенно в тех случаях, когда они не были связаны с военными действиями. Однако постепенно эта позиция действительно установилась. Резолюция 95 (I) Генеральной Ассамблеи ООН от 11 декабря 1946 г. прямо подтвердила «принципы международного права, признанные в уставе Нюрнбергского трибунала и в вынесенном им приговоре». Эта резолюция является доказательством преобладающей позиции государств и практики применения ими указанных принципов, а кроме того, она заложила серьезные юридические основания в основу позиции тех, кто утверждал, что эти принципы являются частью международного обычного права (см., в числе прочих источников, книгу: Daillier, Pellet. *Droit international public*. 6th edition, p. 677). Связь между преступлениями против человечества и военными действиями не считалась обязательным признаком такого рода преступлений (см. «Вопрос о наказании военных преступников и лиц, совершивших преступления против человечества: справка Генерального секретаря», Сборник резолюций и решений 22 сессии Генеральной Ассамблеи ООН [UN GAOR], приложение к пункту повестки дня № 60, Сборник документов ООН [UN DOC A/6813] (1967 год); см. также решение Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии по делу Тадича, IT-94-1, § 623). Как правильно отметил лорд-судья Миллетт в решении Палаты лордов Парламента Соединенного Королевства по делу Пиночета (3) [Еженедельное обозрение судебных актов [WLR] за 1999 год, том 2, с. 909 и последующие],

«Нюрнбергский трибунал постановил, что он вправе рассматривать дела по обвинению в преступлениях против человечества только в том случае, если

эти преступления были совершены во исполнение военных преступлений или преступлений против мира либо в связи с ними. Однако здесь, по-видимому, идет речь об ограничении подсудности, основанном на формулировках Устава. Нет никаких оснований полагать, что это считалось существенным требованием международного права. Необходимость устанавливать такую связь была естественна сразу после окончания Второй мировой войны. Когда война начала забываться, эта необходимость исчезла».

Мнение о том, что Нюрнбергские принципы являются элементом международного обычного права, стало бесспорным после принятия резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 3 декабря 1973 г. № 3074 (XXVIII), которая провозгласила необходимость международного сотрудничества в целях обнаружения, ареста, выдачи и наказания лиц, виновных в совершении военных преступлений и преступлений против человечества. К этому можно добавить, что решениями международных уголовных трибуналов *ad hoc*¹ было провозглашено и принято, что:

«<...> с момента принятия Устава Нюрнбергского трибунала обычно-правовой статус запрета преступлений против человечества и привлечение к личной уголовной ответственности за их совершение не подвергались серьезным сомнениям» (упомянутое выше дело Тадича).

Что касается признаков составов преступлений против человечества, то можно считать, что недавно принятый Римский статут Международного уголовного суда содержит международно-правовое определение этих преступлений. Статья 7 Статута предусматривает следующее:

«<...> “преступление против человечности” означает любое из следующих деяний, когда они совершаются в рамках широкомасштабного или систематического нападения на любых гражданских лиц, и если такое нападение совершается сознательно:

(а) убийство;

<...>

2. Для целей пункта 1:

(а) “нападение на любых гражданских лиц” означает линию поведения, включающую многократное совершение актов, указанных в пункте 1, против любых гражданских лиц, предпринимаемых в целях проведения политики государства или организации, направленной на совершение такого нападения, или в целях содействия такой политике; <...>».

Но даже если руководствоваться только понятием преступлений против человечества, вытекающим из устава Нюрнбергского международного военного трибунала, принципы которого были подтверждены вышеупомянутыми резолюциями ООН, и даже если рассматривать настоящее дело со ссылкой только на минимальные требования, предъявляемые к такого рода преступлениям, то не составит труда прийти к выводу, что деяние, за совершение которого заявителю был вынесен обвинительный приговор, несомненно, должно считаться «преступлением против человечества». Минимальный набор признаков состава преступления, о котором идет речь по настоящему делу, по-видимому, следующий:

(а) убийство;

(b) совершенное в отношении гражданского населения;

¹ Ad hoc (лат.) — (здесь) созданный для конкретного случая (примечание редакции).

(с) в рамках систематической или организованной деятельности, предпринимаемой в целях содействия определенной политике.

Последний признак получается путем совместного прочтения признаков (а) и (b).

Большинство судей Европейского Суда пришло к выводу, что венгерские суды при рассмотрении уголовного дела заявителя сосредоточили свое внимание на его действиях по отношению к Тамашу Касашу, не согласившись с оценкой этих судов, что этот человек «сложил оружие и, таким образом, перестал принимать участие в военных действиях». По мнению большинства судей Суда,

«<...> никакие элементы установленных венгерскими судами обстоятельств дела не могут привести к выводу, что Тамаш Касаш выразил подобным образом намерение сдаться в плен. Вместо этого он затеял бурную ссору с заявителем, в конце которой выхватил пистолет; при этом было неясно, какие он имел намерения. Именно в этот момент он и был застрелен. В этих обстоятельствах Европейский Суд не убежден, что с учетом общепризнанных принципов международного права, которые действовали в то время, можно было считать, что Тамаш Касаш сложил оружие по смыслу положений статьи 3 Женевских конвенций» (пункт 91 постановления).

С другой стороны, в соответствующих выводах венгерских судов относительно обстоятельств дела по этому вопросу мы находим следующие заявления:

«Офицеры постоянно держали свои пистолеты-пулеметы направленными на гражданских лиц. Иштван Балаж сказал им, что они не вооружены. Тогда полицейский, личность которого не установлена, стоявший позади Иштвана Балажа, сказал, что у Тамаша Касаша есть пистолет. Иштван Балаж попросил Тамаша Касаша сдать оружие, если оно у него есть <...>. С другой стороны, обвиняемый должен был отдавать себе отчет в том, что оружие, которое было у него и у его подчиненных, давало им преимущество по отношению к находившимся во внутреннем дворе гражданским лицам и что спор между ними можно было разрешить и без применения оружия» (решение военной коллегии Будапештского столичного суда, пункт 42 постановления).

Впоследствии в своем решении по делу Верховный суд Венгрии пришел к следующему выводу:

«Тем не менее в содержащихся в выводах суда относительно обстоятельств дела также указано, что “Иштван Балаж попросил Тамаша Касаша сдать оружие, если оно у него есть. В этот момент обвиняемый наблюдал за Тамашем Касашем; они находились на расстоянии всего лишь нескольких метров друг от друга” <...>. Исходя из этого, есть все основания сделать вывод, что обвиняемый слышал эту просьбу. Поскольку ссора между обвиняемым и потерпевшим произошла сразу же после этого, и потерпевший достал пистолет, правильный вывод относительно того, о чем думал обвиняемый, заключается в том, что он знал, что потерпевший хотел сдать оружие, а не воспользоваться им для нападения <...>» (пункт 44 постановления).

Я полагаю, что выводы венгерских судов, согласно которым в том, что касается пистолета, действия Тамаша Касаша представляли собой жест человека, пытающегося сдать оружие, а не воспользоваться им для нападения, не являются необоснованными, учитывая в связи с

этим, что Т. Касаш и его товарищи стояли лицом к лицу к офицерам, которые постоянно целились в них из своих пистолетов-пулеметов и что силы офицеров превосходили силы гражданских лиц. В этих обстоятельствах любая попытка Т. Касаша использовать свой пистолет против заявителя была бы равносильна самоубийству. Поэтому я не вижу оснований не соглашаться с соответствующими выводами венгерских судов.

Как бы то ни было, я не согласен с выводом большинства судей Европейского Суда о том, что в вынесенном заявителю обвинительном приговоре речь шла главным образом о реакции заявителя на действия Тамаша Касаша. Я разделяю позицию государства-ответчика, согласно которой «основанием для вынесения заявителю обвинительного приговора стала в первую очередь не его реакция на то, что Тамаш Касаш достал пистолет, а то, что он стрелял в группу гражданских лиц сам и приказал это сделать другим». Протокол соответствующего судебного заседания явно подтверждает эту точку зрения. Заявителю было предъявлено обвинение в том, что он командовал военным отрядом, выполняя приказ восстановить контроль над полицейским управлением, а также в том, что он стрелял в гражданских лиц сам и отдал приказ открыть по ним огонь своим подчиненным, в результате чего несколько человек было убито и еще несколько человек ранено» (см. пункт 21 постановления).

Кроме того, руководствуясь фактами, венгерские суды признали заявителя виновным в «убийстве нескольких человек, представляющем собой преступление против человечества, при совершении которого он выступал в роли исполнителя в отношении убийств внутри здания и в роли подстрекателя в отношении убийства снаружи» (пункт 38 постановления).

Поэтому даже если не принимать во внимание ссору, которая произошла между заявителем и Т. Касашем, я не понимаю, как можно не придавать значения тому, что в предъявленном заявителю обвинении и в вынесенном ему венгерскими судами обвинительном приговоре речь шла и о других гражданских лицах, которые не размахивали пистолетами и не были вооружены.

В этом отношении очень важно подчеркнуть, что, как только Т. Касаш достал пистолет,

«заявитель решительно отдал своим подчиненным приказ открыть огонь и одновременно с этим сам начал стрелять в Тамаша Касаша из пистолета-пулемета. Пули попали Тамашу Касашу в шею и в живот, и он умер на месте. Одним из произведенных по приказу заявителя выстрелов был ранен еще один человек, а три других выстрела ранили третьего человека. Пули попали еще в одного повстанца, который впоследствии скончался от полученных ран. Еще два человека выбежали на улицу, и там остальные члены отряда заявителя открыли по ним огонь. Один из бежавших получил смертельное ранение в голову, а в другого попали несколько пуль, и он скончался на месте» (курсив мой. — Л.Л.) (пункт 15 и пункт 42 постановления).

Для полноты картины я должен также добавить, что, как показывают доказательства по делу, заявитель и члены его отряда «были вооружены пистолетами-пулеметами ППС калибра 7,62 мм и пистолетами ТТ» (решение военной коллегии Будапештского столичного суда). Эту беспорядочную стрельбу из пистолетов-пулеметов по всем остальным безоружным гражданским лицам, кроме Т. Касаша, нельзя, на мой взгляд, расценить иначе как преступление против человечества.

Я должен добавить, что, на мой взгляд, в деле содержится достаточное количество доказательств того, что стрельба, о которой идет речь по настоящему делу, имела место в рамках широкомасштабного и систематического нападения на гражданское население. В связи с этим я принимаю во внимание следующее заявление Верховного суда Венгрии:

« <...> общеизвестно, что начиная с 23 октября 1956 г. центральный диктаторский режим использовал вооруженные силы против безоружного населения, принимавшего участие в мирных демонстрациях, и против вооруженных отрядов повстанцев, формирование которых еще не было завершено. В то время армия применяла мощную военную технику, в частности танки и самолеты, и осуществляла военные действия против тех, кто бросал вызов режиму, в масштабе всей страны. Практически этот режим развязал войну против подавляющего большинства населения. Это подтверждается приказами, отданными в тот период министрами обороны времен диктатуры. Принимая всё это во внимание, можно установить, что с 23 октября 1956 г. в Венгрии имел место вооруженный конфликт немеждународного характера, так как начиная с этого дня вооруженные силы диктатуры начали выступать против населения. 4 ноября 1956 г. территория Венгрии была оккупирована частями Советской Армии, и конфликт стал международным» (пункт 34 постановления).

Действительно, вооруженное подавление гражданского населения, которое сопротивлялось диктатуре в Венгрии в то время, и нападения на него стали известны далеко за пределами страны.

Я не могу согласиться с мнением большинства судей Европейского Суда, утверждающих, что Верховный суд Венгрии:

« <...> не задался вопросом, можно ли считать совершенное заявителем конкретное деяние частью этой государственной политики, в силу чего оно охватывалось бы понятием “преступление против человечества” в том смысле, в каком оно понималось в 1956 году» (пункт 84 постановления).

Заявление Верховного суда Венгрии было сделано по поводу вопроса, находящегося на его рассмотрении, а именно событий, в связи с которыми заявителю был вынесен обвинительный приговор. Когда преобладает ситуация, подобная той, которая описана Верховным судом Венгрии, в рамках организованного выступления вооруженных сил против населения неизбежно должны были произойти несколько отдельных инцидентов, аналогичных тому, который мы рассматриваем. Нельзя упускать из виду тот факт, что заявитель, поссорившись с Т. Касашем и выстрелив в него и в группу лиц, находившихся рядом с ним, действовал как представитель диктаторского режима, который силой пытался подавить противостоящих ему гражданских лиц, например, тех, кто пострадал от нападения заявителя. В этих обстоятельствах я не понимаю, как мы можем отделить инцидент, в котором был признан виновным заявитель, от общего систематического нападения военных на гражданское население и соответствующей государственной политики по отношению к нему.

По всем вышеизложенным соображениям я считаю, что вынесение заявителю обвинительного приговора за то, что он совершил преступление против человечества, предусмотренное международным правом, никоим образом не противоречит положениям статьи 7 Конвенции. Поэтому я полагаю, что по делу требования этой статьи Конвенции нарушены не были.

Council of Europe
Conseil de l'Europe



European Union
Union européenne

This translation was made and published with the financial support of the European Commission and the Council of Europe Joint Programme «Enhancing the capacity of legal professionals and law enforcement officials to apply the ECHR in domestic legal proceedings and practices»¹.

Перевод с английского языка.

© Журнал «Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека»

¹ Настоящий перевод был выполнен и опубликован при финансовой поддержке совместной программы Европейской комиссии и Совета Европы «Укрепление возможностей юристов и сотрудников правоохранительных органов в деле применения Европейской конвенции по правам человека во внутригосударственных судебных разбирательствах и в правоприменительной практике».